

ТАЙНА ЗАМКА БЕЛЬВУАР

В. Т. Бекетова

Валентина Бекетова
Тайна замка Бельвуар

«Институт Мира и исследования конфликтов»

2020

УДК 82(091)

ББК 84(4)

Бекетова В. Т.

Тайна замка Бельвуар / В. Т. Бекетова — «Институт Мира и исследования конфликтов», 2020

ISBN 978-5-6043166-8-9

Поиски настоящего имени великого английского драматурга и поэта Уильяма Шекспира продолжают, шекспировский вопрос остаётся актуальным и в наше время. Преодолевая конфликтологические моменты в процессе его изучения и идя по следам книг известных российских писателей-шекспироведов И. М. Гилилова, С. Степанова, автор повести «Тайна замка Бельвуар» углубляет анализ замистифицированного поэтического сборника XVII века «Жертва любви» под авторством Р. Честера, делая при этом новые неожиданные выводы; убедительно обосновывает ответы на ряд важных вопросов, поставленных названными писателями по рассматриваемой теме. Одновременно он делает уникальное открытие в методах мистификации и демистификации данной книги, подтверждая правильность открытий и выводов И. М. Гилилова в её анализе. Свежим, незаштампованным взглядом им оценивается определённая фактологическая база в создании и издании «Шекспировых сонетов» (1609 г.) и устанавливается их связь с «Жертвою любви», что дополнительно и сильно утверждает бельвуарскую (рэтлендианскую) теорию в идентификации подлинного имени Шекспира. Интересующийся темой читатель найдёт книгу «Тайна замка Бельвуар» интересной и полезной.

УДК 82(091)

ББК 84(4)

ISBN 978-5-6043166-8-9

© Бекетова В. Т., 2020

© Институт Мира и исследования
конфликтов, 2020

Содержание

Часть первая	7
Дорога	7
Прибытие	10
Обустройство	12
Молчаливое знакомство	14
Необходимый параграф	16
Важный разговор	18
Встреча	20
Начало	22
Лечение	23
Болезнь	25
Болезнь	26
Болезнь	30
Гилилов	32
Гилилов	33
Гилилов	36
Гилилов	38
В поле зрения Рэтленд	41
Ужин в замке	44
Маленький заговор	45
Заботы и мысли графа	47
Неожиданные встречи	49
Книга	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валентина Тихоновна Бекетова

Тайна замка Бельвуар

© Бекетова В. Т., 2020

© Фонд развития конфликтологии, 2020

*И кажется, по имени назвать меня в стихах любое может слово.
Шекспир, сонет 76*

Часть первая

События в замке Бельвуар (1610–1611 гг.)

Дорога

Она не была такой утомительной, как на последнем отрезке пути – у Границы Миров. Здесь пришлось стоять целых три года в ожидании разрешения на проезд. Но экспедиция не теряла времени впустую. Специалисты обновляли технические средства, проверяя их надежность, изучали новые методы их использования в тех условиях, какие им представлялись на будущее в довольно далеком прошлом. Воображение рисовало множество случайностей, способных повлиять на задуманный и уже осуществляемый этими людьми план. Одно радовало всех участников экспедиции: что язык, обычный разговорный, а может быть, и литературный, станет для них спасительным фактором в течении времен, в существовании разных укладов жизни и что этот язык поможет им в достижении благородной цели и в разгадке четырехвековой тайны. Поэтому им постарались овладеть все члены экспедиции. Простаивая у Границы Миров, люди продолжали изучать язык страны, куда надеялись получить пропуск. Литературный и сленговый языки прошлого штудировали особенно усердно, взяв в помощь энциклопедии, различные словари, литературные и даже документальные источники соответствующей эпохи. Читали старинные этнические фолианты, запечатлевшие язык своего времени в сагах, поэмах, исторических хрониках и мифах. Так что подготовка в этом плане была вполне солидной. О специальной терминологии текущего периода особенно не беспокоились, поскольку ею владели все, а людям других времен, при благоприятном исходе дела у Границы Миров, её можно было каким-то образом объяснить в нужных ситуациях.

Три года – время слишком достаточное для получения пропуска. Но кто и когда его получал? Это были единицы случаев за десятки веков человеческого бытия. Попасть в число подобных случаев представлялось почти невозможным. Великим Владетелям Границы Миров нужно было предъявить самые убедительные доказательства проезда через неё, а претендентов по обнародованному вопросу было немало. При этом конкуренция всё время возрастала. Человек, который возглавил описываемую экспедицию, понимал, что его аргументы как результат сорокалетних поисков и исследований могут перевесить те, что создавались специально желавшими проникнуть в ту же область и попасть в неё практической явью. Материалов на заявленную тему было очень много. Они стекались отовсюду: как с временных, так и с территориальных областей планеты. Их изучение и оценка отнимали у Великих Владетелей значительное время. С этим приходилось считаться всем. Размышляя на данную тему, руководитель экспедиции думал и о средствах, отпущенных на неё. Но эта сторона в целом рискованного дела оставалась как бы в стороне. Она тревожила менее всего, так как кредит средств и духовной поддержки многих, очень многих людей казались безграничными, что воодушевляло и вселяло веру в начатое предприятие. Однако время, время... Это «всепожирающее» время было не только самым дорогим, но и пугающим ресурсом. Успеть, только бы успеть... Поэтому все ждали пропуск напряженно, с большой тревогой: ведь результат мог оказаться и отрицательным. И вот произошло то, что, по всей справедливости и великому всемирному закону равновесия, должно было произойти. Аргументы экспедиции оказались самыми убедительными. Они перевесили блещущие эрудицией, перенасыщенным выпрепленным анализом и умопомрачительными характеристиками, почти что безумными подходами и напридуманной терминологией труды других претендентов, и пропуск через Границу Миров был, наконец, получен.

Вопрос, что называется, был закрыт, так как такой пропуск по любой теме выдавался здесь только один раз. Это была победа. В неё верилось с трудом, поэтому особая радость, охватившая всех участников экспедиции, стала как бы венцом их длительного ожидания. Но будущее в прошлом, куда они так стремились попасть, крайне тревожило всех по многим причинам. Однако эти обоюдные чувства и радости, и тревоги смешались и каким-то образом уравновесились, породив умиротворяющую надежду, а потом и крепнущую веру у каждого, что было так необходимо для предстоящего пути.

Не теряя времени, участники экспедиции разместили грузы и личный багаж, заняли места в предоставленных Великими Владетелями транспортах, пересекли Границу Миров и въехали в просторную, светлую страну со множеством замков, красивых усадеб, лесов, парков и полей. Путь до места назначения предстоял не малый, так как скорость передвижения уменьшилась в десятки раз. Конечно, покачиваться в каретах или трястись в повозках по грунтовым дорогам не только утомительно, но и долго всегда и в любой стране. Однако лошади были накормлены, напоены и с лёгкой бодростью опытных рысаков везли людей и их снаряжение по предназначенному пути.

Была дана команда объезжать населенные места и выбирать дорогу преимущественно в полях, лесах, а то и в чащобах, если проезд там был возможен. Встречи с людьми не рекомендовались. Всем этим ведал проводник, едущий впереди экспедиционного поезда на доброй, выносливой лошади. Цель экспедиции в стране пребывания для окружающего мира оставалась секретным мероприятием; многие ее детали и особенности носили почти таинственный характер. Всеми тонкостями путешествия владел руководитель, а участники, выполняя свое дело, не мешали ему ни в чем, хотя тоже многое знали.

Дорога была бы более утомительной для людей, привыкших к высоким скоростям, если бы не осеннее тепло, запахи желтеющей и начавшей кое-где опадать листвы, ароматы спеющей на полях кукурузы, гречихи, вновь зацветающего цикория, вьющегося клевера и медоносной душицы. Всё сливалось воедино, опьяняло чувства людей, лечебными волнами разливалось в их телах. Тот, к кому спешила экспедиция, жил во всем этом царстве лесов, полей и запахов, вдыхал их, как и едущие к нему люди у себя дома, а теперь и здесь – в другой эпохе и стране. И не было во всем этом различий в веках, а была единая нить свойств природы и людских чувств, погружаясь в которые, человек ощущал, даже в своем кратковременном бытии, вечность и как бы жил в ней.

Последний день пути клонился к исходу, и примерно через два-три часа путешественники должны были достичь цели. Волнение все более и более охватывало их.

Неожиданно оно стало перерастать в тревогу, особенно когда заходящее солнце спряталось за агатово-смоляную плоскую тучу, закрывшую почти весь горизонт. Это показалось грозным знаком, который, сгущая тьму на небе, вносил её и в души людей. Тревогу ощутили даже лошади: скорость их бега замедлилась. Но, произошло чудо. Туча внезапно расслоилась, и её пронзил ослепительный луч уже уплывшего за горизонт светила. Он был такой силы, яркости и стремительности, что все, наблюдавшие это явление, невольно закрыли глаза, а открыв их, к своему удивлению, увидели, что эта каменная глыба на небе не только расслоилась, но и распалась, преобразаясь в легкие, грациозно летящие гряды облаков, принимавших розово-перламутровую окраску. Некоторые из путешественников вспомнили романс «Редет облаков летучая гряда», другие захотели остановиться и постоять, чтобы дольше полюбоваться таким красочным явлением небесной лаборатории. К тому же нужно было передохнуть, подкрепиться горячим кофе из термосов, размять затекшие ноги либо освежиться ключевой, почти что «кастальской» водой, бьющей из родника вблизи развесистого могучего дуба. Превращаясь в прозрачные дымки, облака испарялись, а освободившееся чистое и еще светлое небо помогало путешественникам в их пути. Все заспешили к транспортам и, не мешкая, двинулись дальше. Однако сумерки наступали быстро. Пологий склон огромного холма плавно и неза-

метно для едущих перешёл в равнинную часть пути, и вскоре все заметили, что въехали в лес. Становилось всё темнее и темнее. На ум приходил «Лесной царь» Гёте. Но часы указывали, что цель близка. Действительно, они приехали почти вовремя.

Прибытие

В восьмом часу вечера экспедиционный поезд вырвался из чащи великолепных дубов, вязов, сосен и елей и упёрся в литые кружева чугунных ворот. За ними в отдалении темнела громада замка. За воротами отовсюду появились люди с факелами, и большая площадка перед замком оказалась ярко освещенной. Ворота раскрылись, и кареты, их было четыре, а за ними десять крытых повозок с сопровождающей на лошадях вооруженной охраной медленно подъехали к фасаду замка. Сам замок, как поняли прибывшие и уже успевшие выйти из своих транспортных средств люди, стоял на прочном скальном возвышении; к нему вела выложенная из гранитных плит красивая и мощная лестница. Стоящие там факельщики позволяли гостям рассмотреть две её площадки, украшенные огромными скульптурами львов и пушками, что как бы подчеркивало рыцарские и военные достоинства владельца замка.

Нельзя было не заметить, что боковые части лестницы представляли искусно обработанные скальные выступы, в нагромождениях которых в разных местах просачивалась вода, медленно, капля за каплей падая в стоящие внизу раковины. Над углублениями в скальной породе нависали разнообразные, в основном ампельного типа, растения; высвечиваемые факелами, они принимали фантастические формы и виды. Внимательный взгляд прибывших запечатлел эти особенности и красоты. Впечатление оказалось достаточно сильным, но они не знали, что ждет их впереди.

По лестнице быстро спускался человек в сопровождении своей свиты и двух факельщиков. И вот все они оказались лицом к лицу с руководителем экспедиции. Последний, уже не молодой, высокий, с великолепной выправкой и твердым взглядом человека, облеченного властью, был одет в черное тончайшей шерсти короткое пальто, серый брючный костюм, который не измялся даже в длительной дороге, на плечи был свободно наброшен бордовый шарф, шею легко облегал темно-синий вязаный росс; на голове красовалась модная иссиня-черного цвета шляпа, добротные полуботинки привлекали внимание особой выделкой кожи.

В этом облачении и с тростью в руках руководитель экспедиции выдвинулся вперед, снял шляпу, обнажив замечательную копну седых волос, и вопросительно посмотрел на спустившегося человека. Тот представился главным управляющим и одновременно дворецким замка и назвал свое имя: «Томас Скревен». В ответ он услышал: «Гилилов Илья Михайлович – руководитель экспедиции». Управляющий – мистер Скревен (далее Скревен) говорил на английском языке несколькими устаревшими формами оборотов речи и использованием слов XVII века. Тем не менее всё сказанное этим человеком было правильно понято. Таким образом, штудирование языка у Границы Миров было не напрасным. Участники экспедиции стояли полукругом за спиной Гилилова, и их хорошо было видно при свете факелов. Спустившиеся по лестнице к этому времени мелкие администраторы и, видимо, помощники управляющего пристально, с неподдельным любопытством и даже слегка иронически улыбаясь, вглядывались в прибывших. Они с интересом разглядывали одежду прибывших, которая казалась совсем почти одинаковой с преобладанием однотипных фасонов в бело-сине-красных тонах. На головах у некоторых были простые вязаные шапочки, украшенные двуглавыми орёлками, другие стояли без них, выставив как на рассмотрение светло-русые, льняные или чёрные волосы, которые торчали ёжиком либо были высоко от шеи фасонно подстрижены. Ни у кого не было бород; чисто выбритые лица мужчин были приветливы, но чуть-чуть насмешливы. Бело-розовый цвет кожи говорил о добром здоровье гостей. Они были одеты в брюки из джинсовой ткани, в лёгкие куртки, украшенные эмблемами и всё теми же двуглавыми орёлками; на ногах виднелись кроссовки. В такой одежде и с такими эмблемами они представлялись хозяевам замка чуть ли не графами с геральдическими знаками и с гербами.

Всматриваясь, люди понимали, что во многом сходны друг с другом и особенно в главном: в фигурах, лицах, в языке; одежда, обувь стали отодвигаться на второй план. Естественное для подобного случая любопытство вдруг переросло в улыбки, тихие всплески смеха и крепкие рукопожатия. Правда, на руках приезжих были тонкие перчатки, но это никого не смутило. Скревен прервал знакомство, сказав, что впереди времени еще будет достаточно, пока же гостям нужно обустраиваться. Гилилов заметил, что народу прибыло много, а возможности замка могут быть ограничены. В ответ было сказано, что двадцать человек – мало, очень мало для резиденции и гостеприимства его светлости. Последние слова заставили гостей поднять головы и устремить, как по команде, взоры на темнеющую глыбу замка. Сердце Гилилова вздрогнуло, ледящий холодок сжал его, а мозг зафиксировал одно слово: успели.

Обустройство

Извинившись перед гостями, Скревен приказал своим людям несколько позже расседлать лошадей, сейчас спешиться всадникам, отвести и устроить их на ночлег, накормив горячей пищей. Как поступать с крытыми повозками и каретами, управляющий замка не знал. Гилилов объяснил, что ситуация эта несложная: груз в контейнерах и ящиках, находящийся в повозках и частично в каретах, необходимо как можно скорее разместить в добротном сухом помещении, свободном от крыс и другой живности. И было бы лучше, если бы всё это находилось рядом с жильем участников экспедиции и его самого. Всё было воспринято как надо, и вскоре команда сильных людей из замка, которыми руководили инженеры экспедиции, аккуратно перенесла и правильно расставила в огромнейшей, почти пустой, но светлой и чистой зале прибывший багаж. Кареты и повозки также были поставлены в соответствующие помещения хозяйственной части замка. Весь процесс занял около двух часов. Расседланные животные нашли корм и отдых в теплых стойлах.

В это же время управляющий, постоянно советуясь с Гилиловым, занялся размещением гостей. Решили, что в эту ночь они займут комнаты второго этажа, а уже завтра сотрудникам экспедиции предоставят комнаты с теми, где будет расположена прибывшая техника и лаборатории. Возражений не последовало, и Скревен предложил гостям принять ванну и, конечно, отужинать. Все радостно оживились, устремляясь к своим вещам. И пока помощники управляющего сопровождали гостей в большую ванную комнату со множеством чанов с горячей водой, где женские места были предусмотрительно отгорожены холстом, Гилилов, сняв пальто и шарф, так как в замке всюду было тепло, осмотрел с управляющим двадцать комнат на втором этаже, оставив за сотрудниками на эту ночь только десять, затем спустился с ним в залу с багажом. Сюда принесли свечи, и разговор зашёл о первом этаже, где были апартаменты его светлости – хозяйина замка. Управляющий уведомил всех о своих полномочиях, и дело с предварительным устройством гостей получило на данное время нужное завершение.

Руководитель экспедиции принимал ванну и ужинал вместе с дворецким. Других людей в замке, кроме слуг, он не видел. После ужина он собрал сотрудников в уже известной большой зале. Здесь же был дворецкий и его помощники. «В нашем деле, – сказал Гилилов, – важно хорошее освещение, а также необходима электрическая энергия для работы приборов и оборудования. Поэтому свечное освещение мои инженеры заменят другим». Дело в том, что экспедиция была оснащена мини-электростанцией; энергию генерировали «на-на» «бе-про» частицы нового вещества, которое относительно недавно было синтезировано русскими учеными и за которое они не получили Нобелевскую премию, хотя, по справедливости, подобное открытие стоило, как минимум, пяти «Нобелей». Слава богу, что успели запатентовать по международным правилам и уберечь его от «пиратских» посягательств. Это вещество, помещенное в особое устройство на последней стадии НИОКР, уже могло давать электричество в нужных количествах и в любых условиях, не производя шума и не загрязняя окружающую среду.

Гилилов дал команду на включение мини-электростанции. Вспыхнули светодиодные лампочки, и загорелась гирлянда мерцающих разноцветных огоньков, которую для интереса инженеры набросили на мрачные портреты, видимо, прежних хозяев замка ещё нормандской эпохи. Это превзошло все ожидания. Управляющий и его люди так изумились, что Гилилову пришлось их успокаивать и объяснять, по возможности просто, природу электричества, а также устройство мини-электростанции. В описываемые времена люди этой, в будущем одной из могучих промышленных стран, великих ученых и научных достижений, были на грани открытия электричества, и такое слово многие знали. Грамотные люди замка тоже о нем слышали. Тем не менее Гилилов старался объяснить всё так, чтобы ни у кого из местных не возникало мыслей о чародействе, колдовстве, чему тогда особенно сильно было подвержено общество.

Он сознательно создавал доверительную обстановку, способную в дальнейшем помочь работе его людей в замке. Было сказано также, что по желанию его светлости и живущих здесь людей замок может быть полностью освещен подобным образом; при этом было дано указание участникам экспедиции строго соблюдать гигиену, на ночь принять адаптирующие и другие препараты, чтобы оградить их от носителей инфекции в новой среде.

Здесь же решили вопрос размещения гостей. Им и их рабочим кабинетам, лабораториям отводилась левая половина замка на первом этаже со множеством комнат, выходящих с одной стороны на террасу, с другой, – в широкий коридор и общий холл для отдыха. Оперативность действий управляющего по обустройству экспедиции была стремительной. В отведенных помещениях десятки людей всё уже мыли, чистили будто близился праздник Пасхи. Всё доводилось до блеска, и в этом помогали новые химические чистящие и дезинфицирующие средства, которые в своих запасах имели гости. После все помещения проветривались и обрабатывались ультрафиолетом, что тоже было заранее предусмотрено экспедицией в её методиках и материальной базе. Время было позднее. Всем необходим был и физический, и моральный отдых, несмотря на бурлящее любопытство, интерес, эмоции и энтузиазм. Договорились о раннем пробуждении в шесть часов утра, об установке оборудования в подготовленных помещениях. Сотрудники Гилилова поднялись на второй этаж в отведенные комнаты. Дворецкий отпустил своих людей после выполнения ими всех работ, выделив двух молодых помощников для связи с Гилиловым.

Молчаливое знакомство

Вскоре они остались одни. Каждый думал свою думу, многое ещё нужно было сказать и спросить друг у друга. Илья Михайлович встрепенулся и, глядя в понимающие глаза дворецкого, сказал, как бы извиняясь, что время позднее, что всё необходимое они будут решать совместно в дальнейшем, но только один вопрос особенно, постоянно и очень остро волнует его, и наступило время спросить о его светлости. Скревен сел в кресло времен Елизаветы I, сосредоточив взгляд на висящем вблизи окна портрете молодого человека, изображенного искусной рукой художника на фоне пылающих языков пламени, задумчиво и тихо сказал, что его светлость ещё жив, но, видимо, ему остаются не годы, а месяцы, возможно, даже недели, что физические страдания этого человека не поддаются описанию. Узнав о прибытии экспедиции, а ждал он её с необычным волнением и нетерпением, его светлость неожиданно уснул. «Видимо, сказалось нервное перенапряжение», – подумал Гилилов. Дворецкий пояснил, что боли у хозяйина постоянные, но в отдельные ночные часы почти невозможные, выдержать которые ни одно сердце и человеческий разум не в силах. Вот почему близкие и родственники его светлости, используя всё свое могущество, его тайную славу и тоже немалые возможности трансцендентальных воображения и силы, обратились к Великим Владетелям Границы Миров с просьбой о помощи.

Гилилов слушал управляющего с бьющимся сердцем, а потом мягкими шагами приблизился к портрету молодого человека и долго всматривался в красивое лицо со следами скрытого страдания; белая, распахнутая на груди рубашка, особо выделяющийся на ней крест как бы подчеркивали вместе с языками пламени трагическую судьбу этого человека. Подошедший Скревен на вопрошающий взгляд Гилилова утвердительно кивнул головой.

Последний попросил увидеть помещения его светлости и сейчас, хотя бы одним взглядом, оценить обстановку. Ответ был положительный. С бронзовыми канделябрами, в которых горели очень толстые свечи, они прошли весь коридор с комнатами, где уже завтра должна закипеть работа экспедиции, затем повернули направо и шли довольно долго. Во всяком случае, так показалось гостю.

Гилилов заметил, что везде в коридорах стены были не только тщательно отштукатурены, но и выкрашены в приятные светлые тона; их украшали орнаментная лепка, великолепные фрески и разнообразные картины. Это была искусная живопись, помещенная в дубовые с позолотой рамы, она требовала особого внимания, но времени на это не было, так как с трудом приходилось поспевать за быстрым шагом дворецкого. Продвигаясь таким образом, они подошли к огромному холлу эллипсоидной формы и как будто выпиравшему из стены замка наружу. Всё в нем поразило Гилилова: высота помещения, окна, убранство, очень хорошее освещение, предупредительность слуг, которые сразу откуда-то появились. Скревен дал Гилилову несколько минут хотя бы для беглого осмотра этого удивительного помещения. Шаги здесь заглушали пышные ковры гиркальских, как потом выяснилось, мастеров. Особо поражали окна с переплетениями; их было несколько высотой от потолка до пола, что напоминало гостинные залы в замке Рамбуэе времен Людовика XIV. Одно из них переходило в застекленную и в настоящее время приоткрытую дверь, за которой шумели еще не опавшей листвой отдельные могучие деревья. В некоторых простенках между окнами висели столь яркие гобелены, что огромность этого помещения казалась заполненной людьми, как бы сошедшими с них. Эффект присутствия людей усиливали картины, развешанные по одной или по две, а то и по три на свободных местах стен. Впечатляли флорентийская мозаика и позолоченная кружевная лепка на стенах. Плафон украшала роспись с растительным орнаментом. Золото рамы блестело в свете нескольких люстр, довольно хорошо освещавших холл. Свежий ветерок, вкра-

дывающийся снаружи в приоткрытую дверь, не гасил и даже не колебал их пламени, так как они имели особое устройство.

Поражали живые растения, по-особому размещенные в холле и украшавшие его не менее, чем всё остальное. Мебели было немного, и она была расставлена ближе к центрам помещения с учетом его формы, но отдельные массивные шкафы черного и красного дерева с вырезанными на них в большом множестве фигурками людей, зверей, батальными и бытовыми сценами были поставлены в ниши стен и чем-то напоминали покои испанских королей во дворце Эскуриала. Особую красоту и нарядность помещению придавали огромные фарфоровые вазы, стоящие у окон. Здесь не было книг; взгляд мог поймать два клавесина в противоположных концах холла; в одном из застекленных шкафов стояла виола да гамба (прообраз виолончели). От Скревена не ускользнуло внимание Гилилова, увидевшего всё это, и он пообещал экскурсию по замку для всех приехавших.

Они подошли к небольшой боковой двери в виде картины, а висевший над ней массивный портрет какого-то знатного лорда усиливал это впечатление. Дверь открылась, и они вошли в гостиную. В руках у каждого оставался канделябр с горящими свечами. Гостиная также представляла собой большую и красиво убранную комнату со множеством кресел, диванов, столиков; на некоторых из них лежали книги; огромный глобус яркими красками континентов, морей, океанов выделялся у приоткрытого окна. Гилилов не рискнул всё рассматривать, но понял, что замок имеет ещё много достопримечательностей и открытия будут впереди.

Слуги, дежурившие в гостиной, тихонько приоткрыли одну из дверей, куда, погасив свечи, вошёл дворецкий, а за ним Гилилов. Это была спальня его светлости. Комната почти круглой формы с огромными, как и в предыдущих помещениях, окнами, закрытыми ниспадающим бархатом штор бордового цвета с разбросанными по ним золотыми и серебряными фигурками львов, тигров, единорогов, невиданной красоты птиц, среди которых выделялась птица Феникс. Спальня повсюду освещалась приглушенным светом. Гилилов почему-то вспомнил, что молодая королева Елизавета I избрала птицу Феникс своим личным символом. Подошедшие слуги сказали, что его светлость спит спокойно и что уснул он давно. Действительно, в глубине комнаты на большой кровати с поднятым пологом лежал человек. Он спал. Глядя туда, Гилилов испытал непонятные чувства. Всё вдруг смешалось в его голове, огнем разлилось по телу, а сердце выдало не менее 120 ударов в минуту. В нескольких метрах от него лежал человек, имя, дела, жизнь которого занимали, мучили, радовали, вдохновляли его столько лет. Дело в том, что спящий человек принадлежал целым эпохам и всему миру. «Господи! Неужели свершилось, и я могу услышать его голос, узнать, подтвердить его устами свои муки, сомнения, бессонные ночи и десятилетние труды в этом деле?» – так думал, держась за сердце, Гилилов, оно просто рвалось у него из груди от нахлынувших чувств. «Всё должно решиться здесь, решиться окончательно и бесповоротно, ибо спящий человек, которому мы обязаны помочь со здоровьем, на понятном английском или другом языке не может не открыть правду нам, ему не нужно будет мучиться самому и мучить весь мир; всё это я ему объясню», – с этими мыслями он взглянул на Скревена, и тот сделал знак, что можно уходить. Возвращаясь, Илья Михайлович сказал дворецкому, что если его светлости ночью станет плохо и начнут мучить боли, то слуги пусть немедленно обратятся к нему, совершенно не боясь разбудить или потревожить. Всё было договорено. И эти, такие далекие, а теперь уже почти близкие друг другу люди, простившись, разошлись по своим комнатам. К удивлению всех и, в первую очередь, самого дворецкого, его светлость за долгое время своего страшного недуга этой ночью не просыпался. Он открыл глаза в девять часов утра и, еще не совершив утреннего туалета, потребовал к себе на доклад главного управляющего замка Бельвуар.

Необходимый параграф

Гилилов проснулся с мыслями о предстоящем дне. За окном едва-едва начинался рассвет – уже виднелась синяя полоска неба. Всё оно было сумрачно. Прошло около десяти часов, как он со своими людьми прибыл в место назначения. И это время в основном было ночным. Сколько же уже сделано? Много, очень много, если учесть естественную усталость от дальней дороги, волнение, связанное с приёмом, обустройством, общим знакомством с замком, его людьми, а в предстоящие часы и с наладкой привезенного оборудования, аппаратуры; знакомством, хоть и молчаливым, с тем, к кому они прибыли. Эти мысли вызвали в памяти Ильи Михайловича минувшие и уже ближайшие события. Он поднялся с постели и едва успел надеть утренний костюм, как в дверь постучали. Вошел Александр Нортон, который осуществлял связь между сотрудниками экспедиции и был в отдельные моменты, уже довольно длительно существующего их социума, чем-то вроде психолога, частично идеолога и аналитика; к тому же он считался высококвалифицированным журналистом, фотографом, специалистом и в других областях. Имел и выполнял определенное задание Гилилова. Его сообщение несколько ошеломило Илью Михайловича. Оказывается, люди поднялись очень рано, успели разместить в отведенных помещениях все технические средства, наладить электрическое освещение всех комнат, коридора, холла. Непосредственно для Гилилова, как сообщил Нортон, было отведено три комнаты: гостиная, спальня, кабинет. О такой роскоши последний и не помышлял, но отказываться не стал, понимая, что ещё многое может случиться впереди. Он осведомился о возможностях замка для других важных житейских дел, без которых не может быть жизни как таковой. Нортон засмеялся своим тихим приятным смехом и мягким голосом пояснил, что этот вопрос в замке решен на высочайшем уровне.

Дворецкий уже провел обещанную экскурсию. Он отвел всех гостей в нижнюю часть замка, где их глазам предстала огромная комната под семьдесят квадратных метров с множеством окон, вся выложенная белым мрамором, включая и потолок, и пол. На противоположной окнам стене были аккуратно вделаны водяные краны, они легко открывались и закрывались; за стеной непосредственно на уровне кранов, как пояснил дворецкий, проходит бронзовый жёлоб, по которому непрерывно течёт чистейшая теплая вода из горного озера, расположенного выше замка, с его восточной стороны. Протекая по нему, вода, при открытии кранов, может легко и без проблем использоваться уже здесь – большом мраморном помещении. Сток использованной воды осуществляется также по глубокому бронзовому желобу, вмонтированному под кранами, а общий проходит по закрытым канавам, которые выложены бетонированными плитами; отработанная вода из всей системы замка поступает в дренажную сеть, специально созданную в отдалённом месте. В помещении с кранами стоят мраморные столики; на каждом находится закрытый графин с водой, стеклянная кружка с крышкой, лежит чистейшее льняное полотенце; в простенках между окнами размещены венецианские зеркала; всё сияет чистотой и удивляет порядком.

Рассказывая это изумленному Гилилову, Нортон, смеясь, добавил, что «ноу-хау» продолжилось в соседнем, подобном по размерам и отделке помещении, где стоят отдельные небольшие кабинеты с мраморными сидениями, под которыми постоянно течёт вода. Её не жалели: она даровая, поступает в замок по инженерным системам самотёком, всегда тёплая, так как имеет термальное происхождение. Всё было решено гениально, при этом инженеры прошлого использовали в этом замке, как сказал дворецкий, аналогичные римские проекты, внедренные в стране ещё до времен короля Артура. Действительно, без римлян не обошлось: они были знатоками виадуктов, городских водопроводных систем, фонтанов, устройств водяных кранов, бань. Чего только стоят одни термы Каракаллы в Риме! Сейчас там театр; поют великие певцы, и их голоса в нём звучат, как в небесной сфере. Как же там звучал голос Франко Корелли! Он

не вмещался под звездным небом этих остовов римского величия и, кажется, даже разрушал его. Мысли у наших путешественников рождались в этом направлении, но нужно было возвращаться к той действительности, в которую они вступили по доброй воле. А она состояла в том, что «народ», как называл Нортон сотрудников экспедиции, то есть своих друзей, использовав все виды замкового «ноу-хау», остался ими чрезвычайно доволен, очень хвалил дворецкого за чистоту и порядок, за это удивительное техническое решение жизненно важной проблемы.

При этом гости подарили ему из своих запасов большой коробок зубной пасты и несколько десятков зубных щеток, объяснив технологию их использования. Дворецкий сказал, что такой подарок он передаст его светлости; Скревена заверили, что графу в этом и другом роде подарки последуют отдельно, что в закрепленных около кранов большой туалетной комнаты бронзовых ладьях жидкость (типа мыла) нужно непременно заменить, и подарили ему дополнительно ящик душистого твердого мыла антисептического свойства. Всё получилось, как сказал Нортон, к месту, ненавязчиво и даже весело. После чего умытые, выбритые, освеженные своими бальзамами все собрались в большой столовой, где кормили овсяной кашей, сочными бифштексами и яичницей; предложили пиво, «народ» заменил этот пресловутый напиток кофе и чаем; благо, что последнее было предусмотрительно и в достаточном количестве привезено с собою. После этого сотрудники занялись своей работой. Дворецкий на практике применил подарки и остался ими очень доволен.

Здесь следует сказать, что современные зубные щётки, которыми восхищался дворецкий, появятся только в середине девятнадцатого века. До этого люди пользовались зубочистками. Особенно они были модны в описываемую эпоху. Вся высшая знать считала своим долгом прилюдно ими пользоваться. Это хорошо описано в книге М. М. Морозова «Шекспир». Зубочистки вытачивали из дерева, а новомодные дворяне очищали зубы от остатков пищи даже крохотными золотыми шпажками. На эту информацию не поспешил А. Дюма, горячо любя знаменитых дворян Франции Бюсси и Сен-Люка. Потребность в предметах по уходу за полостью рта в это время была огромной. Люди ели в основном мясную пищу, стоматологии не существовало. Лорд Байрон, например, в своё время в письмах из Италии домой, в Лондон, торопил друзей с отправкой ему зубочисток чуть ли не ящиками. Возможно, он дарил их своим итальянским друзьям, но и сам, похоже, использовал интенсивно и постоянно.

Вскоре Гилилов и Нортон совершили экскурсию в описанную замковую инфраструктуру и, освеженные горной водой, лесными бальзамами, чисто выбритые, в черных тройках и белоснежных рубашках с бабочками, после завтрака допивали кофе в большой столовой, где к ним присоединился мистер Скревен. После этого все вместе осмотрели технические комнаты; здесь уже завершались работы по установке и настройке оборудования, аппаратуры; осмотрели процедурную комнату и лабораторию, куда их впустили только в белых халатах и специальной обуви. Оставался час до вызова дворецкого на доклад к хозяину замка. За это время Гилилов успел задать ему несколько важных вопросов. Он хотел быть более подготовленным к встрече с его светлостью. При разговоре присутствовал Нортон. Он что-то записывал, что-то фотографировал, к тому же у него была видеокамера; как-никак он прибыл сюда из XXI века.

Важный разговор

Скревен и Гилилов расположились в удобных креслах в кабинете последнего. Чтобы начать каким-то образом непринужденный разговор, Гилилов осведомился у дворецкого об удобной и красивой мебели в замке, а теперь и в его кабинете и вообще о необыкновенной изысканности и даже величии в оформлении комнат и всех виденных им помещений; как он знает, замки в данную эпоху не были столь блистательно оборудованы и оформлены. Дворецкий задумчиво, как бы погружаясь в прошлое, рассказал гостю, что его хозяин, большой эстет, путешествовал по разным странам и многое оттуда перенял, а до этого его предками замок расширялся, перестраивался и украшался; немало сил и средств было отдано устройству в нём уже более совершенных инженерных систем.

Однако подлинный ренессанс замок пережил после возвращения его светлости с континента. Оттуда были привезены мастера, необходимые товары, инструменты. Люди, живущие и работающие в замке, а также в прилегающей к нему деревне, многому научились у итальянских и французских мастеров. Живопись в основном пришла из Италии и Голландии, есть и свои очень талантливые художники, их работы, как сказал Скревен, Гилилов ещё увидит. «Возможности графа, – добавил Скревен, – на эти цели были, и он их в своё время использовал. Мебель в замке – одна из лучших в стране, даже лучше, чем в королевских резиденциях; об этом говорят знающие люди». «Однако, что такое мебель? – спросил как бы самого себя дворецкий. – Безусловно, при её изготовлении требуются хорошие материалы и мастерство, но если вы, дорогой Илья Михайлович, увидите солонку короля Франциска I, выполненную Бенвенуто Челлини, и её копию, сделанную нашими мастерами, этот экземпляр находится здесь, в замке, вы их не отличите. И это мастерство наших людей; так что и нам есть чем гордиться. В замке много вещей и объектов, вызывающих удивление и восхищение у многих, – продолжал Скревен, – позже я их всем покажу. Особая гордость хозяина – это его библиотека; вы её тоже увидите; здесь чудный парк, цветники, сады; всё это – любимые детища нашего лорда. Как только его с вашей помощью, а я верю в это, отпустит недуг, он познакомит вас с прекрасными женщинами, которые живут здесь, но сейчас в основном бывают наездами, с друзьями, их много, но болезнь моего хозяина как-то сократила их общение. До болезни графа в этих местах много охотились в великолепных лесах: ведь мой хозяин – их королевский смотритель. В замке ставили спектакли, на которых бывал и король, а пьесы для них писал сам... О, простите меня, господин Гилилов. Я немного увлекся, – проговорил он затем как бы укоряя себя в чем-то и продолжил, – теперь в замке всё это почти замерло».

Слушая рассказ дворецкого о людях и жизни в замке, Гилилов автоматически отмечал в своей памяти, что всё это он знает из документов и других свидетельств эпохи. Об этом он писал в своих книгах, статьях, а основанием служили всё те же источники, которые подтверждает в своем рассказе очевидец событий. Значит, можно восстановить историю, значит, можно установить истину, чего так упорно добивается и страстно желает каждый исследователь.

Подобные и другие мысли непрерывно возникали у Гилилова; он связывал их со своей научной работой и книгой, которую, как и несколько других, взял с собою в экспедицию. Из небольшой беседы со Скревеном он уже узнал многое, а ведь она была не последней, чего будут стоять предстоящие встречи и возможные беседы с графом? О встрече он не забывал ни на минуту и осведомился у дворецкого, каким образом пребывание экспедиции в замке останется секретным мероприятием, что особо подчеркивалось в пропуске через Границу Миров. Ведь устройство и работа – всё происходит на глазах десятков людей, живущих здесь; об этом может узнать король или преемники сэра Томаса Уилсингэма (1561–1630) со своей полицией. В ответ на этот вопрос Скревен улыбнулся и сказал, что беспокойства по этому поводу не должно быть,

так как обо всём позаботились Великие Владетели, а самое важное сейчас состоит в спасении его светлости.

Гилилов, пройдясь по кабинету, остановился против сидящего Скревена и спокойным, уверенным тоном сказал, что лечение графа начнется уже сегодня после его пробуждения; в этом процессе будут определенные тонкости и особенности, которые, как всегда в медицине, связаны с анализами, осмотром больного. «Необходима будет ваша помощь, дорогой Томас, – обратился он к Скревену, – именно сегодня и, возможно, в ближайшие минуты предстоит взять на анализы, ещё до завтрака, биологические материалы; их исследование в лаборатории, которую вы, Томас, видели, покажет, чем болен граф и как его лечить; ряд анализов нужно провести непосредственно в самой лаборатории, так как перемещать оборудование в апартаменты графа нельзя, оно закреплено на стационаре и подключено к электростанции, двигать которую после увеличения нагрузки также не рекомендуется». Сказав это, Гилилов объяснил Скревену, какие материалы для анализов нужно взять у графа.

Последний обещал, что с этим не будет никаких проблем, но, поскольку граф ходит плохо, а иногда и вообще не может двигаться, придётся слугам приносить его в лабораторные помещения. Гилилов пояснил, что в этом не будет нужды, так как экспедицией предусмотрена для этих целей очень удобная коляска, её уже смонтировали и она стоит у инженеров. «Неужели вы и об этом подумали?» – спросил изумленный дворецкий и добавил, что от апартаментов графа сюда, именно в эту часть замка, ведёт прямой длинный коридор. Сейчас он не используется. Сразу же дверь туда была открыта, и коридор был осмотрен. Оба остались довольны, а Илья Михайлович попросил инженеров немедленно провести в него электричество, Скревен отдал распоряжение своим людям вымыть всю мраморную облицовку и проветрить помещение.

Кажется, наиболее важные организационные вопросы были выяснены и отчасти решены, но Гилилова мучил вопрос, как его представят графу. Скревен успокоил его. Понимая, что граф истощен болезнью, Гилилов спросил о его питании. Ответ был один: отсутствие аппетита; еда – по крошкам, питье – по глотку. По совету Ильи Михайловича повар уже варил на кухне четыре крутых куриных яйца, овсяную кашу на молоке и сливочном масле, готовил белое мясо, нарезал хлеб небольшими тонкими кусками. Всё это готовилось на завтрак его светлости, так как он должен был скоро проснуться, что и произошло; дворецкий был вызван к нему на доклад, обещая Гилилову скоро вернуться с нужными результатами. Оставшись один, Гилилов вызвал в кабинет врачей и медсестёр, последних в экспедиции было три. Посоветовавшись, пришли к выводу, что анализ крови возьмут в апартаментах графа, потом он должен хорошо позавтракать, и если не будет возражений, привезти его на осмотр в процедурную и начать лечение. Во всё время бесед Нортон что-то записывал в свой блокнот и на магнитофон, снимал на видеокамеру. Делал он всё аккуратно, быстро и как-то почти незаметно. Никто на него не обращал внимания. Присутствующие готовились к встрече с его светлостью.

Встреча

Прошло более получаса, как ушёл Скревен. В кабинете Гилилова все были готовы к встрече с хозяином замка. Медицинский персонал был в белых халатах, имел при себе необходимые инструменты и врачебные средства, помещенные в особые контейнеры. Люди пили горячий кофе и негромко обсуждали свои дела. Все считали, что визит должен начаться со встречи Гилилова с графом, затем последнему будут представлены медики. Всё так и произошло, но вначале явился дворецкий с выполненной задачей относительно анализов. Материалы для них он передал в лабораторию, сообщив при этом, что подробно доложил его светлости обо всех событиях и делах в замке, связанных с прибытием экспедиции; доклад был принят очень положительно, и граф ждет их с нетерпением.

Задержка Скревена была связана с туалетом хозяина. Один из врачей спросил, в чём он состоял. Оказывается, каждый день, как всегда утром, граф принимал ванну, затем его одевали или помогали одеться, приводили в порядок волосы, бороду, накладывали на раны на ноге бальзам, который ему подарил сам король, после ногу бинтовали мягкой тканью. Дворецкого спросили носит ли граф парик? Ответ был отрицательный, но у него сильно поредели волосы, видимо, как предположил последний, от резких и продолжительных болей в голове. Спрашивающий врач, как будто соглашаясь с ответами, кивал головой. Время приближалось к визиту. Все встали и, растянувшись цепочкой, пошли по коридору к покоям его светлости; впереди не спеша шли Скревен и Гилилов. Илья Михайлович очень волновался. Насколько он стремился к этой встрече, настолько и боялся её. Он боялся разочарования, которое могло наступить от всего: взгляда, жеста, не так сказанного графом слова, интонации, даже тембра голоса, буквально от всего, включая и возможный высокомерный вид, а то и пустой взгляд. Уже сложившийся образ не допускал этого. Господи! Ну как было не трепетать сердцу Гилилова, если он почти всю жизнь отдал изучению этого человека и его творчества.

Когда Скревен ввел Гилилова в кабинет графа, то в глаза гостю бросилась странная конфигурация помещения: оно состояло из двух прямоугольных комнат, соединяющихся углом. Пока графа в первой комнате не было, Гилилов успел рассмотреть большой письменный стол со стопками книг, лежащую на нем бумагу, массу перьев, которыми писали в то время. На столе стояло несколько широких закрытых флаконов, видимо, в них были чернила. У торца стола, как и непосредственно за ним, находились кресла, их было несколько и в других частях комнаты. Свет падал из окон, размещенных каким-то особым образом, но одно хорошо освещало стол. Стены кабинета были обиты муаровым плотным шелком и увешаны портретами мужчин и женщин, молодых и старых; в одном из простенков висел большой портрет короля Якова, перед ним стоял овальный столик с лежащими на нем двумя массивными книгами с золотыми обрезами.

Осмотр помещения Гилиловым длился одну-полторы минуты, как вдруг раздались неторопливые шаги и послышались голоса. Один из них давал какие-то указания, потом голоса стихли и из-за поворота комнаты вышел молодой человек примерно тридцати четырех лет. Стараясь сдерживать хромоту, он приближался к ожидавшим его людям. Сознание Гилилова чуть не помутилось, он с силой взял себя в руки и прямо посмотрел на идущего. Последний был несколько выше среднего роста, худой, одетый по моде того времени, но бросались в глаза белая рубашка с итальянским воротничком, чёрный (без рукав) камзол, удлиненные штаны (типа бермуд) такого же цвета, черные чулки и туфли с большими серебряными пряжками; верхняя тёмная часть костюма была обшита мелкими бриллиантами. Всё это видел Гилилов. Наконец он смог, преодолев своё волнение, увидеть и лицо идущего. Оно было красивым, но бледным, со следами скрытого физического страдания. Бледность подчеркивала и тёмная небольшая бородка клином, аккуратные не обременяющие лицо усы; темно-каштановые слегка выющиеся

волосы ниспадали на плечи. Гилилов отметил также прямой, без горбинки нос; уставшие щёки и лоб – нет, не высокий и выпуклый, уходящий лысиной к макушке головы, а средней высоты, красивый гладкий лоб, на который кольцами ниспадали волосы. Оставались глаза.

Когда человек остановился в полутора метрах от Гилилова, он заглянул ему в глаза. В них стояли Века! Возможно, пристальный взгляд Ильи Михайловича, необычность его одежды заставили графа их прикрыть, и мягкая полуулыбка тронула прячущиеся под усами губы. Потом он внимательно посмотрел в лицо гостя, и тот увидел не только Века, но и блеск самих глаз, как бы льющийся из них свет. Только одна мысль молнией сверкнула в мозгу Гилилова: это сияние и вековое «звучание» в глазах подошедшего человека исходило от гениальности его личности, ума и от великой, невиданной его учености и знаний. Перед Гилиловым стоял Шекспир!

Начало

Пережить такое волнительное начало знакомства для Гилилова значило остаться живым. И этому помогли раздавшийся рядом голос и прикосновение к нему чьей-то руки. И голос, и рука принадлежали Роджеру Мэннерсу – графу Рэтленду, который с улыбкой на устах стоял против Ильи Михайловича, пожимая ему руку и внимательно его рассматривая. Скревен помог знакомству в официальной манере, принятой у дипломатов. Потом граф без всяких церемоний, будто они были давно знакомы, взял под руку Гилилова и, пройдя с ним несколько метров, предложил кресло. Пока сам граф Рэтленд, преодолевая боль в ногах, усаживался с помощью Скревена, Гилилов мысленно отмечал, что совпало всё: внешность, голос, манеры (мэннерс); всё-всё совпало с тем, что он знал и каким представлял себе этого человека. Более того, он понял, что почти непере译имое изящное выражение «sweet self» в сонетах Шекспира и в «Жертве любви» могло относиться только к таким глазам, как у Рэтленда. Они сидели друг против друга, и граф мелодичным, насыщенным бархатными обертонами голосом благодарил Гилилова и всех прибывших за доставленную ему честь их принимать. В свою очередь Илья Михайлович поблагодарил графа за гостеприимство и внимание. Для Ильи Михайловича голос означал многое, очень многое. И вот здесь, за Границей Миров, при свете неяркого осеннего дня он наслаждался его красотой и выразительностью из уст графа Рэтленда, наслаждался не только голосом, но и языком, которым писал сам Шекспир.

Однако нужно было действовать. Ведь состояние его светлости могло ухудшиться. Было ясно, что всё это время он держался за счет продолжительного сна, давшего ему силы. В конце беседы Гилилов попросил графа выслушать его план, который тот полностью одобрил. Поэтому через минуту в кабинет вошли и были ему представлены врачи и медицинские сестры. В присутствии личного лекаря графа, камердинеров, Скревена была взята кровь на анализ, измерены артериальное давление, пульс, прослушаны дыхательные органы и сердце. Всё делалось быстро, слаженно и профессионально. Граф только успевал выполнять поступающие требования: повернуться, вытянуть руку, сжать кулак, глубоко вздохнуть, задержать дыхание... Пока его светлости после этих «экзекуций» помогали одеться, Гилилов с врачами отошел в сторону и услышал первые результаты: артериальное давление низкое, но граф не гипотоник, сахар в крови на пределе нижнего уровня, пульс недостаточный, сердце требует срочной поддержки, лёгкие в относительной норме. Поэтому уже сейчас необходим очень хороший завтрак, отдых, а затем исследования в стационаре и лечение в соответствии с их результатами.

Конечно, в первую очередь и сразу нужны глюкоза и витамины. Врачи, прекрасно владея языком хозяина замка, обратились к нему за разрешением. В ответ они услышали, что он в их власти. Уже не боясь, они сделали графу несколько уколов и попросили хорошо позавтракать.

Откланявшись, все ушли. Его светлость завтракал горячей овсяной кашей, белками куриных яиц с зеленым горошком и белым мясом, ему также подали свежий чай с сахаром и лимоном, хлеб с небольшим количеством сливочного масла и черной икрой. Некоторые продукты были выделены из запасов экспедиции. На этом первая встреча была завершена; наступило время лечения графа.

Лечение

Лечение графа Рэтленда (1576–1612), которого со второй половины девятнадцатого века и по сей день считают подлинным Шекспиром, шло своим чередом в его родовом замке Бельвуар. Гилилов понимал, что выдача пропуска в прошлое, в семнадцатый век через Границу Миров была связана не только с аргументами экспедиции, но и с чем-то большим и скорей всего с тем, что Великие Владетели знали шекспировскую тайну доподлинно, а у Гилилова она получила самое убедительное раскрытие в его литературных трудах. Другого не могло и быть. Но кто эти Великие Владетели – обладатели подобной и другой информации? Этот вопрос был самой большой тайной для всех членов экспедиции. Гилилов пригласил в свой кабинет Нортон и осведомился о причине его отсутствия на встрече с графом. Тот, как всегда, мягко улыбнувшись, удивился, что не был узан среди медиков. Илья Михайлович засмеялся, махнув рукою; потом сказал об отчёте, который должен создаваться здесь каждый день, хотя он не уверен в возможности переправить его через Границу Миров при возвращении; вполне логичен суровый запрет на провоз информации. Возвращаясь к лечению графа, они ожидали вердикта врачей. Сам же граф в это время был погружен в лечебный сон, который продлится до пяти часов дня. Сотрудники Гилилова вместе с ним к этому времени пообедали в большой столовой, отделанной прекрасным деревом с великолепнейшим, на пятьдесят персон, дубовым столом, такими же стульями с высокими резными спинками и, о невиданное дело! В приборе для каждой персоны лежали две ложки, нож, вилка, стояли хрустальные стаканы и бокалы, а тарелки сияли чистотой и кружевной позолотой.

Да! Люди этой страны в сервировке стола обошли французов. Известно, что его высокопреосвященство кардинал Ришелье, наблюдая, как за его столом дворяне едят из одной большой миски и всякий раз, перед погружением ложки каждый вытирал её салфеткой, приказал сделать много мисок и ставить перед каждым едоком. Мазарини, тоже кардинал и наследник Ришелье у французского трона дивился тому, как, не боясь нанести себе увечье, дворяне за его столом длинными ножами с острейшими концами режут сочную кабанятину или оленину, а то и едят с ножа, приказал изъять их и пустить в дело эти инструменты с закругленными концами. Прогресс шёл и шёл по Европе во всех сферах, но в замке Бельвуар он был на высшем уровне эстетики и безопасности даже при употреблении пищи. Во время обеда гостей кормили чудным бульоном из индейки, варёным картофелем, обжаренным до золотистой корочки, паштетами из мяса кролика, гусиной печени, куриным фрикассе, мясными пирожками и засахаренными фруктами, также предложили пиво, но ему все предпочли чай, кофе. Некоторые заказали на ужин овощные салаты и фруктовый компот, объяснив, как всё это готовить.

Врачи вручили Скревену расписание приема пищи для графа и диету на десять дней, объяснив значение этого в лечении больного. Ему запрещали пиво, вино, табак, грубую плохо проваренную пищу, копчёности, сельдь, минеральную воду; рекомендовалось постепенное уменьшение соли в блюдах, пятиразовое суточное питание, белое отварное мясо, рыба, каши, супы, овощи, фрукты, различное сладкое и мёд. Управляющий отдал на этот счёт соответствующие указания своим помощникам и поварам.

После обеда все гости собрались в холле и обсуждали свои текущие дела, делились впечатлениями; хотя, конечно же, экскурсий по замку и его окрестностям ещё не было. У спящего графа дежурили врач и медсестра, поскольку могла появиться реакция на уколы. Их вскоре сменили другие дежурные. Но всё было благополучно, а пришедший к Гилилову помощник Скревена сообщил, что граф проснулся и не знает, что ему делать. Все дружно засмеялись, ибо такие слова уже были хорошим показателем для состояния больного. Окрепшего, освеженного водой, бальзамами и пообедавшего графа в коляске привезли к врачам. Здесь его светлость прошёл массу аналитических процедур; пока шли расшифровки проведенных исследований,

выносились окончательные или предварительные диагнозы, графу по результатам некоторых из них уже была поставлена капельница. Он лежал в процедурном кабинете на удобной, мягкой кушетке и под тихие звуки пения райских птиц принимал целебное лечение.

Эффект усиливала сидящая рядом прехорошенькая медицинская сестра Наташа. Графу действительно казалось, что он в раю. В углу кабинета за столом работал врач над поступавшими материалами обследования больного. И только теперь его светлость обратил внимание на освещение, включенное ввиду спустившихся туч и начавшегося дождя. Вызвали инженера, который просто, толково, на родном для графа языке объяснил ему работу мини-электростанции, приборов, природу электрической энергии. Граф слушал, затаив дыхание. Он любил людей науки, имел связи с европейскими учеными, помогал им и в своей стране. Гилилов знал об этом и восхищался таким его качеством. Решено было провести электричество в апартаменты графа, а пришедший в процедурную Илья Михайлович посоветовал сменить убранство его спальни, сделать его светлым и более радостным. На удивленный взгляд Рэтленда Гилилов ответил: «Ваша светлость, такое рекомендуют психологи. Ведь в театре зрители с нетерпением ждут смену декораций, им это очень интересно, а больному человеку тоже требуется смена обстановки даже в собственном жилище, чтобы не связывать свой недуг и страдания с его прежним видом». Граф поступил радикально: вошедшему Скревену он приказал заменить ему спальню и подобрать для нее другой дизайн.

Таким образом, перед ужином многие текущие дела были выполнены. Но важны были результаты проведенных исследований. Пока в вечерние часы врачи трудились, обсуждая и осмысливая их, в большой столовой для всех накрывали стол; слуги расставляли приборы, повара вносили дымящиеся ароматные блюда; из небольшого магнитофона негромко звучала маршевая музыка, а инженеры заканчивали работу по освещению столовой и поварских помещений. Затем им предстояла подобная работа и в апартаментах графа. Жизнь в замке стала наполняться новым смыслом и содержанием.

Болезнь

Лечение Рэтленда шло интенсивно, уже появились положительные результаты. Весь комплекс мер и средств помогал молодому организму в борьбе с болезнью. О ней врачи дискутировали в течение нескольких дней. Повторные анализы крови показывали её наличие в организме. Важно было выявить стадию и степень поражения отдельных органов. Окончательное решение состояло в том, что пациент с помощью лекарств экспедиции, частичной, возможно, и полной (или без этого) замены крови может избавиться от «бациллы», а ущерб, нанесенный отдельным органам, будет преодолен, останутся некоторые последствия не опасные для жизни. Главное, как показала МРТ, мозг не затронут, хотя болезнь могла ему угрожать через год-другой, а то и раньше. Её движение было остановлено. Она радикально изгонялась из организма. Граф проходил лечение в стационаре, в первую очередь, именно от этой гадостной «бациллы». Весь комплекс лечения уже в течение полутора месяцев привёл к весьма положительным результатам. Значительно улучшились показатели крови. Ушли головные боли, уменьшились они и в костных тканях. Заживали раны на ногах. Артрозное и ревматическое состояние давало о себе знать. Были применены все виды физиолечения и сняты острые боли. Граф стал ходить почти не хромя и садиться в кресло самостоятельно. Стоматолог выполнил весь объем работы, а привезенные экспедицией средства по уходу за полостью рта доставляли ему особое удовольствие. Он помолодел, посвежел, появились надежда и желание жить. Но лечение ещё не было окончено. Оно должно было продолжиться до начала лета.

Говоря о болезни графа, следует отметить, что Гилилов в своей книге о Рэтленде-Шекспире вопрос этот рассмотрел деликатным образом как опытный и мудрый человек. Указав на литературные, не очень точные, а намекающие высказывания, он как бы предоставил читателям самим понять суть болезни. А вот переводчик сонетов Шекспира Сергей Степанов «решил» эту деликатную проблему прямо, не побоявшись в своей книге назвать всё своими именами. И верить ему можно. Действительно, эта болезнь была неумолимым бичом тогдашнего общества. Что здесь поделаешь? Лечить. Но как? Никто не знал; никакие бальзамы и ртуть не спасали людей, а часто и отравляли их. Остается вспомнить, кто от неё умер или пострадал в разные времена. Назовём лишь некоторые имена с небольшими ремарками либо отступлениями.

Болезнь Продолжение 1

Так, от этой болезни умер французский король Карл VIII (1470–1498). Возвращаясь с войсками после бесславного «завоевания» Неаполитанского королевства, которое он считал своей наследственной вотчиной, король решил по пути во Францию захватить Рим и свергнуть папу Александра VI (Борджиа), но заболел и спешно вернулся домой. Здесь он не сократил, а увеличил свои эротические аппетиты и вскоре умер от апоплексического удара в возрасте двадцати восьми лет. Болезнь поразила мозг. В ряд погибших от неё вносят французского короля Франциска I (1494–1547), приютившего изгнанного из Италии Леонардо да Винчи и покровительствовавшего ему. Вот почему портрет Моны Лизы Джоконды находится не в Уффици, не в Ватикане, а в Лувре. По этой же причине во Франции пребывает знаменитая золотая солонка Бенвенутто Чиллини, шедевр ювелирного мастерства всех времён и народов, подаренный художником королю.

В список входит и английский король Генрих VIII (1491–1547), отец Елизаветы I. В свое время он за преданную службу короне подарил предкам Рэтленда, которого лечит прорвавшаяся через вековую Границу Миров группа Гилилова, замок Бельвуар, один из красивейших в стране, и присвоил Мэннерсам (родовая фамилия его светлости) графский титул Рэтлендов, который восходит к Йоркской линии Плантагенетов (Белая роза), наследников короля Эдуарда III (1312–1377). В ходе войны Алой и Белой розы (1455–1485) погибли многие титульные фамилии. Графства остались без них. Так случилось и с юным, почти мальчиком, графом Рэтлендом, сыном Ричарда Плантагенета Йоркского. На поле битвы между Сенделом и Уэнфилдом в 1460 году он был заколот лордом Клиффордом из ланкастерского клана (Красная роза). Шекспир в своей исторической пьесе «Генрих VI» с потрясающим сочувствием и пиететом, почти со слезами, описывает смерть этого юного графа, последнего из Рэтлендов, освободившего титул и земли для новых претендентов, по существу, для Мэннерсов. Шекспир вкладывает в уста умирающего Эдмунда Рэтленда фразу на латинском языке: «*DI faciant laudis summa sit ista tuae!*» В переводе она звучит так: «Да сделают это боги высшей твоей похвалой». Это единственная на названном языке фраза во всей пьесе характеризует невинную светлую душу юного лорда. Она звучит ключом к пониманию того, кто был подлинным Шекспиром. В одном из своих сонетов он завуалировано называет белую розу личным символом и возводит тем самым свою графскую линию к королевской Йоркской линии Плантагенетов.

Не возвращаясь более к королю Генриху VIII, несколько слов скажем о его дочери Елизавете I (1533–1603), которую лично знал, был принят при её дворе, неоднократно участвовал в беседах с нею наш большой Рэтленд. Она, например, в 1599 году издала персональный приказ о немедленном возвращении Рэтленда из Северной Ирландии, куда он самолично отправился воевать под командованием графа Эссекса (1568–1601). И это был не первый поход с человеком, который для Рэтленда, как и для его друга графа Саутгемптона (1573–1624), стал героем, символом храбрости и свободы слова. Тогда она подавлялась жестоко: тюрьмой, казнями. Отсюда преклонение молодежи перед смелостью Эссекса, его огромная популярность в народе. Связь королевы Елизаветы I с Эссексом известна. Он доводился ей двоюродным внуком, был её фаворитом, а в последние годы жизни монархини занимал высокие государственные должности, был Маршалом, то есть Командующим армии её Величества, и был ею казнен в феврале 1601 года. Ему шел тридцать третий год, а королеве – шестьдесят восьмой. Следы отцовской болезни просматриваются и в королеве; вот почему она не вышла замуж, не могла иметь наследников. Самым легитимным к трону в то время был только король шотландский Яков VI, сын Марии Стюарт, которую в 1587 году Елизавета I казнила, пресекая тем самым претензии своей двоюродной племянницы на английский трон. Умирая в 1603 году,

она назвала своим преемником сына казненной ею шотландской королевы, больше назвать было некого, и, став королем Англии и Шотландии, Яков VI получил титул Якова I (1566–1625), который известен как основатель династии Стюартов и масонства в Англии; также и он не был свободен от этой болезни. Король отменил жестокие репрессии бывшей королевы по отношению к графу Рэтленду за его участие в мятеже Эссекса; полностью, как и близкого друга его светлости графа Саутгемптона, реабилитировал и восстановил во всех правах. Помилованию подлежали и другие лица, хотя пятеро казненных вместе с Эссексом чем-то напоминают пятерку наших повешенных декабристов.

И вот, на этом фоне кровопролитной войны в Северной Ирландии, казни Эссекса, страшной непоправимой для Рэтленда личной трагедии, ведь казненный ужасными палаческими ударами (первый из них отколол часть черепа, второй раздробил графу плечо) был не только кумиром и покровителем Рэтленда, но и приёмным отцом Елизаветы Сидни, дочери великого английского поэта Филиппа Сидни (1554–1586), сложившего свою голову за королеву ещё в 1586 году на голландской войне; Елизавета Сидни в 1599 году стала законной супругой Рэтленда и боготворила, как и он, своего отчима; на таком мрачном фоне массы ужасных событий, включая почти год заключения Рэтленда в Тауэре, Шекспир не посвятил королеве ни единой хвалебной строки, а в сонете 107 благословил в аллегорической форме её уход из жизни, восславляя мир и надежды, связанные с воцарением Якова I на английском престоле.

Здесь хотелось бы добавить: страна, что называется «кишела» поэтами. И каждый старался восславить свою живую, а потом и умершую государыню, и только Шекспир, слава которого уже была в расцвете, по-прежнему молчал. Поэты упрекали его за черствость по отношению к королеве. Но перед глазами Рэтленда-Шекспира стояла картина окровавленной и разбитой головы Эссекса, жестоко казненного по ее приказу. Эта картина осталась в его памяти на всю жизнь. Эссекс был его другом, покровителем, родственником. Здесь прослеживается прямая связь между Рэтлендом-Шекспиром и Эссексом. И связь эта закономерная и естественная. В поэме Шекспира «Феникс и Голубь» уже умершая к этому времени королева названа тираническим крылом хищной птицы, что вполне соответствовало её характеру, делам и такому отношению к ней Рэтленда, то есть Шекспира.

Однако вернемся к этой самой болезни, сославшись на два примера. Первый имеет отношение к французскому королю Генриху IV (1553–1610), его ещё любят называть Наваррой. Судя по литературным источникам, он болел венерическими болезнями; перенес очень тонкую и опасную хирургическую операцию, которая прошла успешно. Повторное заболевание в период разлада его с бывшим другом и соратником герцогом Бироном обошлось без вмешательства врачей. Но напряжённые отношения короля с Бироном остались без примирения; явная и прямая измена герцога, его бычье упрямство, когда для спасения жизни требовалось всего лишь покаяние перед королем, привели Бирона на плаху; примерно это совпало со временем казни Эссекса, чем похвалялась английская королева в беседе с французским посланником, демонстрируя свою волю и решимость в таком деле.

Среди друзей Генриха IV были герцоги Лонгвиль, Дюмен, Сюлли и многие другие. Но были и враги. За ними стоял Мадрид, возглавлявший Габсбургскую империю на континенте. И вот сработала подлая геополитика. После многих неудавшихся покушений на Наварру 15 мая 1610 года французский король был заколот в своей карете фанатиком-мистиком Равальяком, когда спешил осмотреть Арсенал и навестить больного министра финансов герцога Сюлли. Спустя несколько часов остывшее тело короля раздели для бальзамирования. И все допущенные к этому процессу увидели прекрасное тело человека с идеальными пропорциями всех его частей и элементов. При жизни он любил говорить: «Вы ещё обо мне поплачете». Жизнь этого короля наполнена такими событиями, коллизиями, которых хватило бы на тысячу коронованных лиц или правителей.

Советские историки никак не могли согласиться, что Генрих IV – великий король Франции, они не находили убедительных доказательств этого в его деятельности. Но тогда и Петра I не хвалили, а Николая I называли Палкиным, Николая II – Кровавым; Александра III Миротворца один весьма популярный в свое время исторический писатель с авантюрным уклоном в творчестве назвал единственным русским царём, умершим не от водки.

Выходит, Великую империю создавали сплошь цари-алкоголики. Все русские цари в советской историографии получили гнусные прозвища, а их деятельность оценивалась как антинародная. На Западе чтят своих правителей, но в отдельных поступках те люди бывают хуже варваров. Это мы ещё увидим на посмертной судьбе Генриха IV (Наварры) и кардинала Ришелье. Наварре ставят в вину многочисленные любовные похождения. Но когда представишь, что этот человек из 53 лет своей жизни почти 40 провел на коне и в битвах, создавая единое абсолютистское французское государство, завоевывая ему одно из доминирующих мест на континенте, то поражаешься духу его веры, выносливости, храбрости, политическому уму и другим качествам. Ему прощаешь эти любовные похождения, понимая, что то были узкие полоски жизни вне мучительных забот и смерти, то, что давало жить ему вообще. Видимо, это больше всех понял Генрих Манн, когда вник в жизнь и деятельность Генриха IV, написав о нем свою знаменитую книгу.

В целом судьба Генриха IV (Наварры) трагична и в посмертное время. Его гроб, как и других великих французских королей, во время буйств Великой революции (1789–1794) был выброшен из королевской усыпальницы Сен-Дени. Толпа революционеров с жадностью и страшным любопытством его окружила, впиваясь взглядами в содержимое, когда с гроба слетела крышка. И увидела: король и через 184 года после захоронения лежал в последней своей обители как живой, и его лицо было тождественно прижизненным портретам.

Но мало было вскрыть гробницу, святость которой как бы охраняет само небо и вечность, мало было выбросить тело Наварры, как и тела Людовика IX Святого, Людовика XIV Короля Солнца и других, в яму. Этого было мало! Один из революционеров отсек мёртвую голову Генриха IV кинжалом, а обезглавленные останки полетели в грязь с известью. Потом он эту голову обработал до черепа и таскал по базарам; попадала она и на аукционы; какой-то художник написал с черепа портрет и торговал им. Не забудем, что подобным образом поступили и с останками великого реформатора Франции кардинала Ришелье: его голову гоняли, как футбольный мяч, по улицам революционного Парижа. И как тут не провести параллель с нашей революцией 1917 года, гражданской войной в России. При всей жестокости тогдашних событий никто не прикоснулся к усыпальницам русских царей ни в Кремле, ни в Петрограде. Когдаходишь в царскую усыпальницу в соборе Святых Петра и Павла в Санкт-Петербурге и видишь эти надгробия-саркофаги, их молчаливые ряды в граните, мраморе, в чугунных кружевах решеток, то думаешь и о величии духа народа, о его святости и уме.

О посмертной судьбе Генриха IV Рэтленд знать не мог, но он приобщился к жизни французского двора в 1597 году, возвращаясь домой после длительного путешествия по континенту, при этом долго живя в Италии. Блистательный английский лорд познакомился с жизнью французского двора, с Маргаритой Наваррской, её фрейлинами, с вельможами и придворными. Тогда блистали Босомпьер, Лонгвиль, Дюмен, Бирон – все исторические лица. Рэтленд не мог долго задерживаться во Франции, так как спешил попасть в экспедицию Эссекса на Азорские острова. Но он оставил память о своем пребывании при французском дворе. В числе пьес Шекспира находим одну особую и неповторимую: «Бесплодные усилия любви», где присутствуют все названные и другие исторические лица в числе героев; где разлиты волны тончайшего юмора и остроумия; созданы комические ситуации, звучат великолепные монологи, в которых дается простор чувствам всех оттенков, а в диалогах сверкают изумрудами латинские слова и выражения вперемешку с итальянскими. В этой пьесе, как и в других, совершенно очевидна прямая связь наивысшей степени: Шекспир – это Рэтленд. Но как она возникла?

Когда, где и почему? Об этом разговор впереди, а пока вернемся к этой самой болезни, чёрт её побери! Но ведь нужно довести до конца показательные примеры её разрушительной силы в человеческом обществе.

Болезнь Продолжение 2

От этой самой болезни, согласно литературным источникам, умер король Англии Вильгельм III Оранский (1650–1702). Будучи штатгальтером (правителем) Голландии, он в 1688 году сверг с престола законного короля Англии и своего родственника Якова II, внука Якова I, чей портрет висит в кабинете Рэтленда и кто смотрел в замке Бельвуар шекспировские пьесы вместе с его хозяином и своими придворными. Особенно нравилась королю Якову I комедия Шекспира «Как вам это понравится», любил он и другие пьесы этого драматурга, смотрел их по нескольку раз. Судьба же Вильгельма III, при всех его блестящих полководческих даных, закончилась печальным падением с лошади и якобы воспалением лёгких. Но всему виной была, в конечном счете, эта самая болезнь. Король не имел наследников, а его супруга Мария, дочь свергнутого Якова II, помогая мужу в этом недостойном свержении своего отца с трона, умерла раньше (1694) и вошла в историю как Мария II королева Англии. Трон английский опустел; ближайшей к нему и вполне легитимной была родная сестра Марии II и вторая родная дочь свергнутого Якова II Анна. Она и стала королевой Англии. Годы её жизни типичны для того времени (1665–1714). Выйдя замуж за датского принца, она родила тринадцать детей, из них ни один не выжил: последствия болезни сказались и в потомках. На этом пресеклась династия Стюартов. Можно считать причиной её конечного поражения всё ту же болезнь. Она выкашивала и династии, и армии, и великих людей. О королеве Анне французский драматург Эжен Скриб (1791–1861) написал изумительную пьесу «Стакан воды», где почти нет вымысла; она вся наполнена историческими фактами и фамилиями в талантливом литературном исполнении.

Обратимся к более позднему времени, любимому нами девятнадцатому веку. Здесь сошлемся на несколько очевидных и прискорбных примеров. От этой болезни умер итальянский композитор Гаэтано Доницетти (1797–1848), написавший более семидесяти опер; по существу, он был учителем великого Верди. Когда в операх Доницетти сегодня поет Анна Нетребко, то это становится праздником, в котором её голос и красота возносят слушателя в небесную сферу, как пение и красота Франко Корелли (1921–2003).

Нельзя также обойти смерть французского писателя Ги де Мопассана (1850–1893). Он умер страшно: сифилисный паразит быстро проник в мозг; писатель сошёл с ума и был помещён в психиатрическую больницу. Его навестили друзья: Гюстав Флобер, Оноре де Бальзак, Анатоль Франс. Общение было только через замочную щель. Другого врачи не могли разрешить. Писатели увидели голого, заросшего волосами человека, который, бормоча что-то, на четвереньках пересекал палату из угла в угол. Это зрелище было ужасным, оно напоминало одну из картин ада. Вскоре Мопассан умер от апоплексического удара. Есть мнение, что от этой болезни сошёл с ума немецкий композитор Роберт Шуман (1810–1856). Болезнь длилась годами, а смерть настигла тоже в психиатрической больнице, поразив мозг композитора. Не миновала она и русских литераторов. Сын богатых сибирских помещиков Н. М. Языков (1803–1847) став, как сам он называл себя, «поэтом радости и хмеля», получал похвалы своему таланту из уст Жуковского и Пушкина, дружил с Гоголем, умер относительно молодым от мозгового сифилиса, хотя и лечился много, в том числе и в Италии.

Закончим данную тему ещё одним примером. Он из двадцатого, очень близкого нам века. От этой болезни в 1976 году погибает «стальной король» Америки Говард Хьюз. Нужно полагать, что возможностей у него для лечения было предостаточно. Напомним, что в 70-е годы он затратил немало средств для подъема советской подводной лодки ПЛ-547, затонувшей в Тихом океане, экипаж погиб; предположительно она столкнулась с американской; последняя с вмятинами пришла в один из японских портов для ремонта. Но ни деньги, ни новейшие лекарства,

ни его былая голливудская слава и муза, прекрасная Ава Гарднер, – ничто и никто не помогли Хьюзу. Его, голого, на окровавленных простынях вынесли из личного самолета в Далласе и, погрузив в автомобиль, отправили в клинику, где он по форме и содержанию повторил судьбу Ги де Мопассана: сошёл с ума и был поражён апоплексическим ударом.

В заключение несколько слов скажем об итальянском городе Падуя. Здесь в 1596 году, будучи студентом знаменитого одноименного университета, граф Рэтленд совершенствовал свой латинский язык. Здесь же учились и датские студенты Розенкранц и Гильденстерн, хорошо знакомые его светлости молодые люди. Влюбленный до самозабвения в Падую, Рэтленд оставил память о своем там пребывании. В ряде шекспировских пьес его герои, что называется, топчутся в Падуе даже тогда, когда находятся в другом месте, для них оно тоже – Падуя. А датские студенты позже «засветятся» в шекспировском «Гамлете». Прибывший на учебу в Падую Люченцио, надо полагать граф Рэтленд, в комедии Шекспира «Укрощение строптивой» восторженно восклицает: «Сбылось моё заветное желанье увидеть Падую, наук питомник!»

Этот город славился и другим. Именно здесь врачи «набили руку» в лечении французской болезни. Это свидетельство Теофила Готье (1811–1872) доносится к нам из девятнадцатого века. Что было в конце шестнадцатого, когда, видимо, «рука» ещё не была «набита», а куртизанки правили бал в Италии, даже невозможно представить, хотя свидетельств предостаточно. Студент Падуанского университета английский лорд граф Рэтленд был умнейшим, а в области словесности и литературы – гениальным человеком, но в проявлении своих чувств – неосторожным юношей, о чём неоднократно сокрушались и отчего впадали в отчаяние герои в шекспировских пьесах. В сонетах это тоже отражено: «Пускай грехи мои сжигают кровь», «Все преступленья вольности моей...» (Сонет 109), «Любовь – мой грех» (Сонет 142), «Моя душа, ядро земли греховной...» (Сонет 146). Гилилов об этом знал. И он точно знал, что Рэтленд – это и есть подлинный Шекспир, теперь уже «догорающая свеча», в основном одиноко заканчивающая свой короткий жизненный путь в замке Бельвуар. Гилилов рвался сюда мыслями и чувствами, чтобы помочь этому человеку, облегчить его физическое состояние, а то и вылечить, продлить жизнь мировому светочу литературного Олимпа. Именно Шекспиру-Рэтленду он посвятил свой монументальный многолетний труд «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса». Великие Владетели временных пространств и эпох знали об этом, вот почему их конкурс на спасение Рэтленда дошёл до Московии, и экспедиция Гилилова прибыла осенью 1610 года в резиденцию его светлости – замок Бельвуар.

Эти и последующие события, как мы понимаем, произошли здесь в виртуальном формате, тем не менее во многих аспектах их содержание правдиво, что подтверждают литературные свидетельства и логика развития.

Гилилов

Его главное внимание как исследователя и писателя в этой работе, которую он коротко сам назвал «Игра», было направлено на раскрытие четырехвековой шекспировской тайны и исправление официальной историографии великого драматурга. Эту задачу Гилилов выполнил. Выполнил настолько блестяще, что читатели его книги, не комитеты, аффилированные с бизнесом и политикой, а именно читатели и деятели культуры присуждают его великому труду Нобелевскую премию. По закону справедливости он стоит нескольких. Эта книга особая. Её нужно читать снова и снова.

Снова и снова читать Шекспира призывает его современник – поэт Бен Джонсон (1572–1637). Он знал Рэтленда. И в своей поэме, посвященной памяти Шекспира, называет драматурга родовым именем графа Рэтленда – Мэннерсом. Шекспировскую тайну берегли многие, в том числе и Бен Джонсон. Гилилов её раскрыл, потому что снова и снова читал Шекспира, потому что владел научным методом системного анализа. Сейчас он сидел в своем прекрасном кабинете в замке Бельвуар над раскрытой книгой, обдумывая один деликатный и тонкий вопрос, который должен был решить с Нортоном.

Лечение графа было столь успешным, что он уже самостоятельно выходил на прогулки в парк, на любимую им цветочную поляну, даже поднимался на небольшой холм вблизи озера и подолгу там отдыхал. Врачи всё это приветствовали и видели явные признаки восстановления физического и душевного здоровья его светлости.

Однажды, как рассказал Нортон, графа увидели в парке у статуи Аполлона. Сидя на скамейке под высоким дубом, он смотрел на плещущийся «кастальский» ключ у подножия античного бога и плакал. Гуляющие там врачи старались деликатно не заметить это и покинуть аллею, но граф подозвал их, поговорил с ними, а потом, прогуливаясь с Игорем Витальевичем – врачом-терапевтом и психологом, признался, что время уходит быстро, что он стоит на краю могилы, боится остаться один, а его сердце болит от воспоминаний о прошлом. Они долго беседовали, и граф пришёл в замок успокоенный и умиротворенный.

Гилилов, слушая Нортона, понимал, что Рэтленд не может забыть Эссекса, свои, как он думал, предательские на допросах и судилище показания против друзей, и особенно против Саутгемптона. Последнего приговорили к смертной казни, но по ходатайству влиятельных друзей её заменили пожизненным заточением в башне. Конечно, перед глазами Рэтленда стоят каменные стены его камеры в Тауэре, где он провёл около года и где в отчаянии на них бросался, сходя с ума от угрызений совести и видения отрубленной головы Эссекса; где он на стенах выцарапывал какие-то слова на итальянском языке (их можно было прочесть и в двадцатом веке). В Тауэре он готов был к суициду. Такие события быстро не стираются из памяти, с возрастом человека напоминают о себе не только чаще, но и сильнее, а одиночество всё усугубляет. Граф одинок. Супруга даже наездами не заглядывает в замок. Остаются слуги и мы, прибывшие на небольшое время и ещё не особенно знакомые ему люди. Так думал Гилилов, понимая, что, наряду с разными видами лечения, графа нужно вовлечь в творческие беседы, в весёлый смех молодежи, и особенно прелестных медсестёр, которые окружали его заботой, не сводя с него восторженных глаз. Нужно устроить какие-то экскурсии по замку; наконец, с хозяином попасть в его знаменитую библиотеку, увлечь рассказами об ученых, науке, о путешествиях, которые так любил граф в своё время. Этот план вырисовывался в голове Гилилова, и он поделился им с Нортоном, получив не только полное согласие, но и хорошее дополнение к нему. Сюда непременно, на первых порах, входила беседа графа с Нортоном о самом Гилилове. Этот план Илья Михайлович одобрил. Оставалось ждать. Необходимо было вывести из состояния транса и апатии мысли и чувства Рэтленда, определить другой вектор его жизни и побудить к положительной умственной активности.

Гилилов Продолжение 1

Осень в Бельвуаре «отшумела» всеми своими прелестями. В замок пришла зима. Часто ещё зеленеющие травы, деревья и кусты покрывались снегом. Кое-где цвели запоздалые розы; не сдавались зиме устойчивые цветы, продолжая радовать глаз своей красотой и «силами». Всюду стало тише и печальнее. В Бельвуар приезжали и уезжали из него какие-то люди. Это видел Гилилов из окон своей резиденции. После таких визитов граф был задумчив, но не угрюм. Во многом ему помогал психолог Игорь Витальевич, они беседовали подолгу, и граф становился внутренне спокойнее. Он видел, что все заняты трудом: прежде всего лечат его, что-то налаживают в технике, проверяют, экспериментируют, читают, пишут, спорят, занимаются своей внешностью; всегда внимательны к нему, стараются во всём помочь. «Да они мне как родные», – думал граф, видя и анализируя всё это. И вот в его состоянии наступил тот момент, когда за последним преодолением чего-то тяжелого, сдерживающего волю, мозг и даже мышцы, открывается живительной струёй желание творить, делать; спадает пелена апатии, черной ступорности, и человек начинает хотеть жить. В середине очень тёплого февраля это произошло и с графом. Он позвал к себе Нортона и предложил ему прогуляться по поляне и в парке.

Граф, идя с Нортоном по цветочной поляне, срывал отдельные цветущие нарциссы и делал из них букет. Эти ранние цветы жары не любят, а при прохладной погоде держатся долго. Оба некоторое время молчали. Нортон ждал вопроса или какого-нибудь рассуждения со стороны его светлости. Последний, налюбовавшись особым цветком нарцисса и попавшейся ему чудной веточкой незабудки, остановился и неожиданно спросил спутника: «Кто такой Гилилов?» Сказав, что он чувствует в нем не только руководителя экспедиции, человека, который организует его лечение, но и что-то большее, чего понять не может, а спрашивать напрямую затрудняется. Нортон подобный вопрос предвидел, даже чувствовал, что на этой прогулке в беседе с графом он непременно будет задан.

Александр Генрихович Нортон рассказал всю правду о Гилилове. Конечно, кое о чём он умолчал, но так было нужно, чтобы оставить графа спокойным. «Гилилов Илья Михайлович (Менделевич), – спокойно, мягко и несколько медленно, как бы в раздумье, заговорил Нортон, – учёный секретарь Шекспировского общества при Академии наук моей страны. Один из великих исследователей биографии и творчества Шекспира. Нашу страну английский драматург в своих пьесах называет Московией». Рэтленд остановился и замер. Теперь уже Нортон, срывая пышный, с яркой сердцевинкой нарцисс и передавая его графу, почувствовал, что для двоих, а скорее для его светлости, настал момент истины.

– Разве у вас Шекспира читают и ценят? – спросил граф.

– Да, – просто ответил Нортон, – Роджер, вы просили называть вас по имени и рассказать о Гилилове. Ведь так? Но я продолжу тему, начиная с Шекспира. Разобью свой рассказ на три небольших новеллы. Если вы не возражаете, присядем на скамейку у цветущей золотом форзиции и у этой прелестной статуи, льющей слёзы скорби по своим детям. Однако, Роджер, для меня важно, чтобы вам не было холодно; солнце пригревает, но зимой оно обманчиво.

– Я одет тепло, на мне подарки главного доктора, он требует, чтобы я не простуживался и не захватил лихорадку. А сейчас, Александр, я вас очень прошу продолжить рассказ, – сказал граф.

Собеседники уселись на скамейку. «Итак, о Шекспире, – сказал Нортон, вполборота повернувшись к слушателю. – В мировой цивилизации нашего времени он занимает одно из ведущих мест. В культуре человеческого общества ему принадлежит пальма первенства. Его пьесы, поэзию изучают в школах, университетах. В мире нет театра, где бы не шли его комедии,

трагедии. На сюжеты его пьес написаны оперы, балеты; в музыку вовлечены почти все произведения Шекспира. У нас говорят: „Шекспир и несть ему числа“, то есть он присутствует всюду. По его произведениям, биографии ведутся бесчисленные дискуссии, исследования, защищаются диссертации, присуждаются ученые степени, проводятся конференции, фестивали, снимаются фильмы; ежегодно в мире публикуется до пяти тысяч книг, статей, посвященных различным аспектам его творческого наследия и биографии. Шекспира изучают чуть ли ни под микроскопом. Особая, что называется, битва ведется вокруг „Шекспировых сонетов“; герои его пьес изучаются столь пристально и в таком море разнообразных мнений, суждений, что это невозможно прочесть и перечислить.

Шекспир переведен на сотни языков мира. Им восторгаются, ему поклоняются, открывают памятники, музеи. Понимаете, Роджер, я говорю о значении английского гения кратко, почти лапидарно, не все, а только какую-то часть. Особая его роль в развитии английского языка, в который он ввел 3200 новых слов, оперируя в словообразовании на латинских, греческих, французских, итальянских корнях. Значит, этот человек владел названными языками. Указанная мною цифра превосходит практику других великих писателей Англии, и не только этой страны. Источники произведений Шекспира разнообразны. Один исследователь изложил их в восьми томах своего многолетнего труда. При этом большинство из них в то время ещё не были переведены на английский язык. Значит, Шекспир их изучал в оригинале. Таким образом, перед нами встает человек энциклопедических знаний.

В одном из тайных своих трудов, прячась за маской какого-то несчастного комедианта, он описал Италию так и таким языком, в смысле литературного стиля, образности, точности воспроизведения и оценки природы, объектов, жизни людей, их культуры, что сегодняшние повествования меркнут перед его трудом. Ничего подобного в мире не создавалось и нет по сию пору, то есть моего времени. Его называют Великим Бардом, Титаном слова, наконец, он – Великий Логодедал. Так назвал его Гилилов. Звезда Шекспира ярче всех сияет в небесной сфере; она освещает весь земной шар и так будет всегда».

Нортон остановился, ибо увлекся и уже не видел лица Рэтленда, но, взглянув на сидящую рядом фигуру, в свою очередь замер: взгляд графа «ушел» в даль, лицо было сосредоточено и как бы сжато, оно даже застыло; внутри этого человека стояли рыдания, что стало понятно Нортону. Опомившись через минуту, граф попросил продолжить рассказ.

– Видите ли, Роджер, – сказал Александр Генрихович, – я немного старше вас и у меня есть опыт психологической работы с людьми. Если я буду говорить дальше на эту тему, то могу чем-нибудь вас расстроить, а врачи нам это строго запрещают. Требуют беречь вашу очень и очень эмоционально подвижную нервную систему тем более, что её затронула болезнь.

– Дорогой мой друг, – услышал в ответ Нортон, – я, несмотря на свою ещё относительную молодость, пережил уже многое и такое, что лучше бы не родился. Неужели я не в состоянии спокойно выслушать до конца рассказ об Илье Михайловиче. Ведь он жив, здоров, он здесь, в замке; и для меня он как отец родной; рассказывайте же, пожалуйста. Не нужно ничего бояться. Я выдержу теперь всё и даже предвижу что.

– Хорошо, – продолжил Нортон, – это будет моя вторая новелла о Гилилове, она опять начнется с Шекспира. Согласитесь, Роджер, что у всякого нормального человека, при знании даже части рассказанного мною о значении его творчества, естественно возникает желание узнать хотя бы что-то и о самом авторе. Кто же он, что собою представляет? Вы согласны, Роджер? Разве можно отделить отца от детей, сделать их сиротами? Вот мраморная Ниобея веками льёт слёзы скорби о своих погибших детях. Так и здесь. У людей рождается законное желание узнать об отце, создавшем пьесы, узнать его биографию. Её стали изучать.

– И что там нашли? – спросил граф почти отсутствующим голосом.

– Да, собственно, ничего, – ответил Нортон и посмотрел на Рэтленда. Тот вскинул брови и как-то загадочно улыбнулся.

– О дорогой Роджер! Вы улыбаетесь преждевременно.

– Да?

– Да, – ответил Нортон, – они не нашли в официально принятой биографии драматурга, изложенной в учебниках, в книгах, в Британской энциклопедии, ничего, что связывало бы отца с его детьми, то есть автора с его творениями. Автор напоминает фигуру чужого, абсолютно постороннего человека.

– Такого быть не может! – воскликнул граф.

– А вот и может, – очень твердо и уверенно ответил Нортон, – и Гилилов это доказал.

Гилилов Продолжение 2

– Ещё раньше, – продолжил свой рассказ Нортон, – многие на это обратили внимание. Гилилов обобщил предыдущие исследования, поиски, находки ученых, литераторов, поклонников творчества Шекспира, внес свои идеи, эмпирическим путем доказал их; системно всё проанализировал, и вот раскрылась яркая, как этот цветущий куст, картина. Оказалось, что всё сотворённое Шекспиром создал один очень неграмотный англичанин тоже по фамилии Шекспир, или Шакспер. Роджер! Вы можете сегодня же вечером провести эксперимент: дайте задание своему конюху написать поэму «Венера и Адонис», либо пьесу «Бесплодные усилия любви», либо крик Шекспировой души – монолог «Быть или не быть», наконец, пару-тройку сонетов. Как вы думаете, что он напишет даже через несколько лет?

– Думаю, что ничего, – ответил граф, качая головой и даже слегка смутившись.

– Здесь такое же, а то и хуже. Очень коротко и самое главное о человеке, который официально признан создателем Шекспирова наследства. Возможно, вы его знаете. К слову, Гилилов в этом уверен. Биографию Шекспира изучали долго и скрупулезно. И вот, что о нём нашли многие, очень многие люди разных профессий за века своих поисков, – сказал Нортон.

Далее он продолжил вторую новеллу о Шекспире и Гилилове.

«Человек этот по имени Уильям Шекспир, или Шакспер (1564–1616) родился в маленьком английском городке Стратфорде-на-Эйвоне. В школе он не учился, а если учился, то до чтения по слогам; университетов никаких не оканчивал, так как не было школьной подготовки и в списках студентов не значился. Его семья была неграмотна, как и большинство жителей городка; в доме, кроме Библии, книг не было, библиотеки в городе – тоже. Да, забегая вперед, скажу, когда он умер в том же доме, где и родился, то там не обнаружили ни книг, ни рукописей Великого Барда, Титана слова и Логодедала. В юности этот человек, якобы в будущем великий драматург и поэт, любил на соревнованиях в местной округе выпить крепкого эля (пива) и поспать под яблоней у оврага, когда шёл домой. Занимался он и браконьерством в заповеднике помещика Томаса Люси, за что был якобы сечён слугами последнего. К яблоне постоянно водят туристов, но второй миф выбросили из биографии Барда, так как, по документам, у названного помещика в округе просто не было этого самого заповедника (мифов вокруг биографии Шекспира собралось немало).

Женившись и заимев к двадцати трем годам четырех детей, молодой человек исчезает на дорогах Англии, покинув семью, родной дом и свой край. Семь лет о нем никто ничего не слышит и не знает. „Возможно, это тот молодой человек, который все последние семь лет считал себя несчастным, грязным нищим“ (Шекспир. „Укрощение строптивой“). Это так называемые „потерянные годы“ в биографии Шекспира. Литераторы их насчитывают от шести до восьми лет. Вы можете себе представить, чтобы гениальная и очень грамотная литературная личность, как утверждают учебники, выбросила из своей творческой биографии семь лет наиболее продуктивного возраста? И вдруг, о боги! Как любят восклицать эти слова шекспировские герои, „несчастный, грязный нищий“, неграмотный человек одну за другой на великолепной бумаге и в прекрасном полиграфическом исполнении в 1593, а затем в 1594 годах выпускает две изысканные поэмы на античную тематику с изящными дружескими посвящениями их графу Саутгемптону. Роджер! Вы же отлично его знаете. Это лучший друг вашей юности, вы с ним неоднократно бывали при дворе Елизаветы I, в походах Эссекса, он тоже писал стихи и даже сватался к одной из ваших родных сестёр! Вы вместе с ним открывали театр „Глобус“! После этого под именем Шекспира выходят замечательные пьесы и сонеты. В конце концов, спустя сто лет, выясняется, что всё это сотворил некий актёр, который не имел образования даже на уровне начальной школы. Роджер, я несколько упрощаю свой рассказ, но сущность передаю верно.

Многие (уже в XIX веке) это заметили, поняли, но Гилилов это увидел и понял ярко и бескомпромиссно, доказав не отдельным примером или примерами, а системным образом, что в творчестве и биографии официального Титана слова, Великого Барда вырисовались две стороны, два берега, в литературном отношении, по существу, взаимоисключающие друг друга. На одном из них высятся великие, непревзойдённые творения и энциклопедические знания, а на другом мельтешит одиозная, умеющая читать лишь по слогам личность, к тому же (о ужас!) сильно любящая деньги, торговлю, ростовщичество, суды, что Шекспир в своих пьесах просто проклинал. И вот эта личность каким-то образом стала работать в столичном театре „Глобус“, объявилась его соучредителем, то есть пайщиком. Одновременно она превращается в отца шекспировских произведений.

Исследователям стало ясно, что драматург и поэт Шекспир скрыл своё подлинное имя.

Предполагают, что, уйдя из дому, в котором, видимо, была очень тяжелая материальная и бытовая обстановка, Шакспер с цыганами либо бродячими актерами прибыл в Лондон, где пробивался случайным ремеслом, потом пристал к какому-то театру, а затем – к открывшемуся „Глобусу“. Этот театр обожали в то время молодые графы Рэтленд и Саутгемптон. Они, что называется, чуть ли ни дневали в нем, проводя время в ущерб обязанностям при дворе, чем была недовольна королева. Возможно, в значительной степени на их деньги этот театр и создавался. Такая вот вырисовывается картина, Роджер, в моем втором рассказе о Гилилове».

– Но ведь потом, – сказал, встрепенувшись, граф, – актерские труппы, чтобы их не считали бродячими, приписали ко дворам знатных особ, а сейчас они имеют патенты и находятся под покровительством самого короля и членов его семьи.

– Но тогда этого не было, и наш претендент на шекспировское творчество каким-то чудесным образом оказался у подножия Терпсихоры и Аполлона – в театре «Глобус», – сказал Нортон. Граф рассмеялся.

– Александр, рассказывая о Гилилове, вы изобразили созданную им картину пропасти двух, якобы непереplываемых от одного к другому, берегов. Их что, соединить нельзя?

– Ах, Роджер, это не пропасть, это – Большой каньон в штате Колорадо в Америке. Я вам покажу его на фотографии, я там был. Но случилось самое худшее, возможно, этого даже кто-то хотел. А тут еще нашлись очень наивные, но горячо верящие в свою правоту люди, их было немало, которые (как вам бы и хотелось) стали «сшивать» берега, довольно часто булькаясь в воду!

Оба собеседника громко и весело расхохотались. Нортон продолжил:

– Делали они это, даже при крушениях, последовательно, шаг за шагом, укрепляя «канаты», что порождало впечатление уверенности в своём деле, правды и окончательной истины, которую спешили зафиксировать в учебниках, а потом и в научных трудах, энциклопедиях.

– И все этому поверили? – спросил граф, довольный услышанным, при этом улыбаясь почти загадочной улыбкой.

– На ваш вопрос скажу одно: придется начинать третью часть рассказа о Гилилове, – произнес Нортон.

– Начинайте, Александр, но мне нужно размять ноги, они сильно затекли, – сказал граф, вставая и сильно прихрамывая.

– О да! Конечно, конечно, – воскликнул Нортон. И они медленно пошли по дорожке в сторону парка.

Гилилов

Продолжение 3

– Что ж в третьей части вы расскажете о Гилилове? – спросил граф у идущего рядом Нортон.

– А вот что. Умные люди, а они всегда были, есть и будут, поняли, что шекспировские произведения написал другой или другие люди, но только не безграмотный человек из Стратфорда-на-Эйвоне. Кстати, у Шакспера вся семья, как я уже говорил, была неграмотна, а в его завещании не упомянута ни одна книга, хотя наличие библиотеки у Титана слова, Логодедала можно предположить; не оказалось в нём ни рукописей якобы писателя, ни его собственных, уже изданных произведений. В завещании распределялись только бытовые объекты, вещи, деньги, проценты. Это завещание, найденное сто лет спустя после смерти якобы великого драматурга, произвело на его почитателей и исследователей своей убогостью столь гнетущее впечатление, что оно даже незримо вьётся и кусается здесь, в этом парке. К слову сказать, и книги, и рукописи великих английских поэтов, писателей, драматургов, а Шекспир среди них уже тогда был первой величиной, стояли больших денег. И получается, драматургу в лице Шакспера-актёра эти честные деньги, заработанные якобы его собственным талантом, были не нужны, а ростовщические, шейлокские, грели душу, и над ними он трясся, торгуя домами, пивом, сеном, соломой, отдавая деньги в рост знакомым или незнакомым людям, а при случае задержки, неуплаты ссуды ташил их в суд. Вот такая разнонаправленная картина выявилась, когда настоящий отец бросил свои творения. Добавлю, что некоторые знатные особы, например, из семейства Сидни, на публикациях своих творений имели неплохой доход, – сказал Нортон и посмотрел на графа; тот молчал, прикусив губу.

Ещё бы! Ведь его жена и была из этого семейства. Но Нортон не стал особо заострять на этом внимание, достаточно было показать графу, что Гилилов многое знает.

– Продолжайте, – сказал граф, помедлив ещё с минуту.

– Хорошо, – ответил Нортон, – теперь вы понимаете, что за подставной фигурой в лице Шакспера стали искать истинного создателя творений драматурга; возможно, даже нескольких авторов или соавторов.

– Ну и что же, нашли? – как-то буднично спросил Роджер.

– Нашли, – ответил Нортон, – нашли пятьдесят претендентов.

– Ого! Ничего себе! – граф рассмеялся как-то облегчённо и свободно. – Но неужели в пьесах Шекспира, в его поэзии нет хоть каких-то указаний, зацепок, объясняющих, кто их написал?

– Почему же нет? Есть, такие указания есть. Их обнаружил и систематизировал Гилилов, – ответил Нортон.

– И что? Он их отыскал по пятидесяти кандидатурам?! – воскликнул граф.

– Нет, конечно. Понимаете, Роджер, люди умеют искать – они научно обосновали из пятидесяти только десять, из них Гилилов оставил семь наиболее вероятных претендентов. Но отсеивали не просто так, а изучали, исследовали каждую кандидатуру, её творчество, биографию. Изучали, по существу, целую эпоху. Это обогащало знания человечества в целом. Работы было немало, она продолжается до сих пор, то есть до моего времени. Теперь за дело взялись математики, информатики, статистики, инженеры, экономисты, люди других профессий и просто любители, исследуя данный вопрос. Выстроены целые школы приверженцев того или иного претендента на роль подлинного Шекспира. Всё это очень хорошо проанализировал и оценил Гилилов. Приведу два примера, чтобы вам, Роджер, была более ясна картина изучения и раскрытия шекспировского вопроса, сущность которого состоит в том, чтобы научно определить, кто им действительно был. Ведь он укрылся от человечества, как Протей в своих

текучих легендах, а люди с этим не могли согласиться. Большой вклад в раскрытие тайны Шекспира внесла в XIX веке шекспировед из Америки Дэлиа Бэкон (1811–1859), однофамилица Френсиса Бэкона (1561–1626), который в юные годы учёбы графа Рэтленда в университете патронировал, занимался воспитанием последнего по поручению канцлера лорда Берли (1512–1598), то есть участвовал в вашей учебе и воспитании, Роджер. Прошли годы, случился мятеж Эссекса. В судилище над ним особо усердствовал Бэкон, видимо, расчищая себе дорогу в фавориты королевы. Он требовал казни мятежника, обосновывая это как философ и ученый. Можно представить, как его выступление подействовало на королеву, не чуждую ученым теориям и аргументам. Затем Бэкон стал канцлером, он и сейчас занимает этот пост, но науку не бросил: часто проводит опыты по замораживанию растений в своей лаборатории, – проговорил Нортон.

– Лучше бы он заморозил себе мозги и память, – мрачно сказал граф.

– Может это и случится, но позже, а сейчас я свяжу американскую исследовательницу с этим английским ученым и канцлером. Изучив суть шекспировского вопроса и написав по нему несколько работ, Дэлиа Бэкон обосновала имя Френсиса Бэкона в качестве подлинного Шекспира, то есть отца брошенных детей-пьес. Свою теорию, довольно стройную и убедительную в философском плане, она решила подтвердить эмпирическим путем и, приехав в городок, на родину Шакспера, тайно проникла в церковь Святой Троицы – место захоронения этого человека, где попыталась сдвинуть могильный камень, полагая найти за ним рукописи драматурга, подтверждающие её теорию. Изнуренная творческими поисками, а теперь ещё и задержанная стражей, она попала в психиатрическую больницу, сойдя с ума, – Нортон остановился, он просто устал.

– О боги! – воскликнул граф. – Это невозможно, немыслимо! Как серьёзно и глубоко всё зашло!

Нортон продолжил:

– Ещё одну могилу обыскивали. И если не рукописи искали, то, наверняка, тело захороненного в ней человека.

– Чью же? – с тревогой спросил Рэтленд.

– Могилу талантливого, популярного и самого вспыльчивого на свете драматурга – Кристофера Марло (1564–1593), – ответил Нортон.

– Но ведь он был убит в 1593 году в городе Дептфорд в какой-то потасовке и там же похоронен! – воскликнул граф.

– Да. Но сегодняшние исследователи, то есть моего времени, считают, что это была имитация убийства и что Марло продолжил свою жизнь и творчество под именем Шекспира и под крылом начальника полиции сэра Томаса Уилсингэма, чьей креатурой, оказывается, он был. К тому же стиль некоторых пьес Марло и Шекспира, как установили ученые, очень совпадает.

– Всего этого я не знаю, – промолвил граф, нахмутив брови и сжав губы.

Нортон, помедлив, сказал:

– Вот ещё один весомый аргумент в пользу Марло. Он исчезает в 1593 году, и в этом же году свою литературную деятельность почти официально объявляет Шекспир, объявляет в посвящении поэмы «Венера и Адонис» вашему другу юности графу Саутгемптону, – Нортон скопил глаза на графа и мягко улыбнулся.

Последний был в полном смятении. Во-первых, сэр Томас Уилсингэм по материнской линии был родным дедом его жены Елизаветы Сидни; во-вторых, известие о том, и это самое главное, что потомки объявляют Марло Шекспиром, не только смутило, покорило всю душу Рэтленда, оно её чуть не разорвало и, не выдержав, он горячо, почти с вызовом спросил у Нортон:

– А что же Гилилов? Кого он определил Шекспиром?

– Вас, – просто и твёрдо ответил Нортон.

Бедный граф! При этих словах он споткнулся, повернулся в сторону скамейки и Ниобеи, стал смотреть по сторонам, как бы чего-то или кого-то испугавшись, и, вообще, растерялся и даже сник; снял шапку, стал её мять. Нортону было жаль его до глубины своего мягкого и прекрасного сердца. Он водрузил шапку на каштановые кудри графа, взял его под руку, и они пошли к кустам форзиции и к плачущей Ниобее. Оба молчали. Наконец, граф тихо, но уверенно глуховатым голосом сказал:

– Хорошо. Пусть так. Но как я, именно я попал в поле зрения Гилилова и оказался в числе главных претендентов на имя подлинного Шекспира? Есть ли для этого основания, доказательства?

– Безусловно, есть, – ответил Нортон, – и я приведу несколько.

В поле зрения Рэтленд

Они замедлили шаг и остановились. Набежали облака. Подул довольно прохладный ветерок, но собеседники словно не заметили перемен в природе. Стоя друг против друга, безмерно взволнованные, они как будто ожидали чего-то особенного от тех слов и признаний, которые должны уже в ближайшие минуты произнести. Нортон пояснил графу, что он попал в поле зрения шекспироведов ещё в XIX веке. «И произошло это, во-первых, потому, что по сумме своих знаний вы, пройдя, кроме домашнего, ещё несколько университетов, могли обладать тем феноменальным лексиконом, который особо отмечен в произведениях Шекспира: общий насчитывает до 30 тысяч, а активный – 22 тысячи слов; повторю: этим мог обладать гений и человек необыкновенного ума, начитанности и учености со знаниями нескольких иностранных языков. Это утверждают учёные нашей эпохи. Таким требованиям более всего из претендентов соответствуете вы, Роджер.

Второе фундаментальное основание считать вас подлинным Шекспиром, – продолжил Нортон, – вытекает из вашего путешествия по континенту в 1595–1597 гг. Всё, что вышло из-под пера Шекспира в ранние годы и позже, связано с этим путешествием. Совпадения потрясающие – не только общие, но и в деталях. И они обнаружены исследователями. Почти каждое место пребывания лорда Рэтленда в Италии, во Франции отмечено пьесами Шекспира. Поговорим об этом подробнее. Прибыв в Италию через Бреннерский перевал, вы оказались в Вероне, затем – в Мантуе. Почти как истовый учёный сразу стали изучать историю этих городов, архитектуру, жизнь людей, литературные предания. В результате мир знакомится с такими произведениями Шекспира, как „Ромео и Джульетта“, „Два веронца“, оба связаны именно с этими городами, с их особенностями, что нашло отражение в пьесах. И Гилилов это показал и доказал. Вас влечёт Венеция, где вы утонули в многоязычности и в многоликости людских толп, в безумной их красочности, в легендах этого города. Вы изучаете её историю, посещаете ярмарки, театры, карнавалы. И вот из-под пера Шекспира выходят „Венецианский купец“, „Отелло“.

Но ещё больше вас влечёт Падуя, где ваш прекрасный портрет был написан французским художником Исааком Оливером. Здесь создаётся одна из лучших комедий Шекспира – „Укрощение строптивой“. Всё действие происходит в Падуе, а один из главных героев, Люченцио, сюда, в „наук питомник“, прибывает из Венеции. Он прибывает учиться, как и вы. Ибо ваша, Роджер, страсть к знаниям, учёбе резко выделяется на фоне ваших же современников. Об Уильяме Шакспере, который в это время прибывает к каким-то актёрам в Лондоне в качестве Джона-фактотума, то есть умельца и дельца, мы просто молчим. Здесь даже нет поползновений к учёбе, к знаниям, здесь только требуется выжить около кого-то или чего-то, что естественно для этого человека в его жизненной ситуации.

Возникают ещё восхитительные комедии Шекспира: „Двенадцатая ночь“, „Много шума из ничего“, которые прямо связаны с любимой Рэтлендом Италией. А вот и „Буря“! Просперо – Миланский герцог, в образе которого Шекспир предстаёт перед зрителем в эпилоге своей творческой деятельности. Все эти пьесы связаны с вами, с вашим путешествием по северной Италии! Не так ли? Нужно полагать, что Шакспер из Стратфорда-на-Эйвоне об этих городах, их истории, культуре ничего не слышал. Вряд ли он знал, что на белом свете есть Италия и где она находится. Вот главное основание, в результате которого вы попадаете в поле зрения учёных, литераторов, ищущих подлинного отца брошенных детей-пьес. Но у Гилилова, – продолжил Нортон, – есть и другие прочные основания, теоретически и эмпирически подтверждающие рэтлендианскую теорию в шекспировском вопросе. Об одной обмолвлюсь: он, единственный в мире, раскрыл тайну поэтического сборника „Жертва любви“, ведущую исследователей к хозяину замка Бельвуар как к подлинному Шекспиру, то есть ведущую к вам».

– Как! Неужели тайна «Жертвы любви» раскрыта и раскрыта им?! – почти вскричал граф. – Но в Феникс мы вложили много ума. Этого быть не может!

Слова Нортон просто потрясли графа. Александр Генрихович пожалел, что сказал об этом, поэтому постарался увести разговор в несколько иную плоскость:

– Роджер, то, что я вам скажу, крайне интересно и важно. Вы только послушайте и вдумайтесь. Рэтлендианскую теорию масштабно начали разрабатывать немецкие и голландские учёные в начале XX века. В этом они добились больших успехов. Позже к ним присоединились и русские. Англо-саксонский шекспировский «истеблишмент» всё это напрочь игнорирует: они даже не переводят работы этих учёных на английский язык, называя их ересью. У американцев, вы их не знаете, сложилась мощная школа по бэкониианской теории, остальное они просто не слушают и не читают. Такие умные! В самой Англии, на вашей родине, Роджер, в качестве подлинного Шекспира признают графа Оксфорда (1550–1604). Конечно, был, остаётся и процветает традиционный Шакспер из Стратфорда-на-Эйвоне. Он тоже главный в учебниках, энциклопедиях и в Московии. Вот, в общих чертах, такая ситуация пребывает в решении шекспировского вопроса в мире литературы в моём времени, – этими словами Нортон заключил свой рассказ.

Граф был ошеломлён всем услышанным. И хотя информации было много, он быстро отреагировал на Оксфорда:

– Этот человек, который, как и другие, писал пьесы, стихи, но под своим именем, умер в 1604 году. Как же его могут считать подлинным Шекспиром?

Нортон засмеялся:

– С ним поступили, как и с Марло. Последнего после смерти воскресили в качестве Шекспира, а Оксфорд якобы до 1604 года, то есть до своей смерти, написал шекспировские произведения, которые после кончины графа выпускались его агентами и родственниками под именем Великого Барда, то есть Шекспира (Shake-Speare).

– Но сколько нелепостей во всём этом, – печально сказал граф, – сколько надуманного!

– Нелепостей предостаточно, – продолжил Нортон. – Взять хотя бы прямую и косвенные связи в творчестве Шекспира с графами Эссексом, Саутгемптоном и, конечно, с королевским двором. Как их объяснить? Откуда они? Начинают придумывать всяческие небывальщины о великой дружбе то ли актёра, то ли драматурга Шакспера с всесильной титулованной знатьёю английского двора, с самой королевой, а потом и с королём, где и с кем якобы этот человек прошёл университеты и даже приобрёл феноменальный лексикон. Однако всё становится простым и естественным, а главное, правдивым и ясным, когда в Шекспире мы видим графа Рэтленда – друга, родственника названных лордов и человека английского королевского двора, человека великого образования и эрудиции, к тому же гения от природы.

Граф слушал всё это, поражённый в самое сердце. Он был настолько потрясён рассказом Нортон, что даже не знал, что ему говорить, что спрашивать, как возражать на услышанное. Да и стоило ли возражать? В раздумье, и отчасти в смятении, его светлость сказал:

– Я, конечно, всего этого не мог знать, предвидеть, хотя предполагать шекспировские игры в будущем можно было, но именно такие – нет. Теперь я многое понял и многое знаю. Но имеет ли Гилилов по этому вопросу свои книги, статьи?

– Да, имеет, – ответил его собеседник.

– О! Александр! Я должен немедленно, даже сию же минуту, видеть и говорить с Ильей Михайловичем! – горячо, с трепетной интонацией воскликнул Рэтленд.

«Блудный отец должен вернуться к своим детям-пьесам и поэзии, как вернулся Шакспер к своей семье в городке Стартфорд-на-Эйвоне», – подумал Нортон, но вслух не стал говорить этих слов графу, понимая, что творится в его сердце и в голове. С этими мыслями они незаметно подошли к исходной позиции, каждый ещё переживал сказанное и услышанное, думая, что должно произойти за случившимся объяснением. А произошло маленькое и милое, хоро-

шее событие, которое разрядило напряжённую обстановку в беседе двух мужчин. Просто за кустами послышались голоса, щебечущие на незнакомом для графа языке, а потом раздался такой прелестный девичий смех, что стал для возбуждённых сердец собеседников своего рода успокоительной и музыкой, и микстурой.

Они быстро подошли к форзизии и увидели склонившиеся над букетом оставленных нарциссов головки трёх медицинских сестёр, которые так старательно выполняли свои обязанности в группе Гилилова. Не видя подошедших, девушки распределяли найденные цветы, а потом, заливаясь колокольчиками смеха, гадали на лепестках. Рэтленд стоял замороженный. Он забыл, что котируется у Гилилова в качестве Шекспира, это, конечно же, соответствовало действительности, но требовало объяснений с самим учёным-литератором. Нортон улыбался, так как среди девушек была его любимая племянница. Глядя на это чудо жизни, сердце Рэтленда билось, как у Ромео на свидании с Джульеттой в саду. Он был молод, красив, светился добротой и любовью к людям, был уже здоров. И он был гений! Гений слова! Такие люди не могут творить и жить в пустоте, им неотвратимо требуются источники эмоций, по существу, источники счастья! Нечто подобное у скамейки на цветочной поляне он и увидел.

Девушки подняли головки, засмутились и подошли к мужчинам. Граф их обнял, прижал к себе и каждую поцеловал в щёчку. Нортон не смог сдержать своего мягкого смеха: нет! Граф неисправим! Хорошо, что в замке нет его жены. Но всё это было невинно, мило, и большое сердце Рэтленда оттаивало, он отвлекался от прошлого: как Фауст видит прекрасную юность и сам хочет таким быть и жить в ней. Казалось, что этот чудный миг может ещё и ещё продлиться, что ничто группу улыбающихся и смущённых лиц не потревожит. Но нет! Послышались торопливые шаги и, обернувшись, все увидели почти бегущего человека. Вскоре он был перед ними. Нортон напомнил графу, что молодой человек – Дмитрий Евгеньевич, специалист по информационным системам и философ, поклонник Шекспира и Гилилова, а в группе девушек стоит его прелестная голубоглазая дочь Дарина. Она стояла с веточкой незабудки, держа ее у своего лица, словно воплощая «Весну» Боттичелли. Мужчины не сводили глаз с этого образа. Но суровая реальность взяла верх.

Дмитрий Евгеньевич передал графу письма, скрепленные печатями, и пояснил, что эту миссию ему поручил мистер Скревен, спешащий в парк и нечаянно подвернувший ногу; сейчас над ним трудятся врачи. Граф озабоченно вскинул брови, помрачнел, посмотрел на пакеты, и лицо его стало чрезвычайно озабоченным, губы сжались. Извинившись перед друзьями и сев на скамейку, он вскрыл и прочёл письма. Некоторое время сидел молча, затем, пройдя к отошедшей в сторону группе ждущих его людей, сказал, что получил важные новости: в конце февраля в Бельвуар приезжает король с наследным принцем, а через десять дней – родственники графа. «Есть о чём беспокоиться, – сказал он, – да ещё Скревен незаменимый Скревен, сломал ногу». Тут раздался колокол, предварительно напоминающий об обеде, и все потянулись к замку. Нортон, как истинно русская душа, чувствовал, что везде и всегда заботы, неурядицы приходят одновременно. Стайка девушек, оторвавшись от мужчин, неслась к замку, наполняя теперь уже фаустовское сердце Рэтленда теплом и счастьем.

Ужин в замке

Нортон и Дмитрий Евгеньевич проводили графа до его покоев, где он их поблагодарил их за прогулку и сказал, что надеется всех увидеть за ужином. Граф теперь вечерами был со всеми. И это были не просто застолья, а почти ежевечерние светские вечера, где слушали музыку, пение, танцевали, вели споры, философские беседы, играли в шахматы. Инженеры Гилилова обеспечивали всех разнообразными аудиозаписями, даже иногда для интереса и тяжёлым роком. В красивом и огромнейшем зале столовой было тепло, уютно; здесь всем хватало мест, кресел, диванов, столиков, кофейных приборов и света. Придуманное инженерами меняющееся освещение с голографическими картинками, которое включали в конце ужина, всех не только восхищало, но и завораживало.

Конечно, к ужину все готовились – мужчины и женщины являлись в вечерних нарядах, принятых в светском обществе. Следует отметить, что в группе Гилилова были профессионалы, которые за всем следили. Граф полюбил эти вечера, он был чувствительной в восприятии действительности натурой, любитель тонкого юмора, желая участвовать в различных розыгрышах. Ведь всегда находятся выдумщики в этом деле. Часто был слышен его смех то в одной, то в другой группе гостей. Недаром все ранние комедии Шекспира блещут весельем, юмором, розыгрышами. Любил он также беседовать и слушать учёных, а ведь экспедицию Гилилова представляли учёные люди: кандидаты, доктора наук, различные лауреаты – люди умнейшие, начитанные, умеющие блестяще говорить и много знающие. Но когда рассказывал Рэтленд, то его слушали, что называется, застывая на месте. Он никогда не говорил о Шекспире, не упоминал его произведений, не цитировал их. Его любимой темой было путешествие на континент, и особенно по северной Италии. Он описывал в своих рассказах Венецию, Большой канал, мост Риалто, гондолы, безмерное разнообразие человеческих лиц, караваны купеческих судов, соборы, скромные базилики, театры, картинные галереи, музыку, зовущую в бездну либо в небо; и описывал он то, что видел в XVI веке!

Такие вечера были восхитительными; они преображали всех и самого хозяина замка. Вот где пригодилась учёба и тренинги по английскому языку! Слушать самого Шекспира! Врачи, лечащие графа, этому только радовались, но чётко всё контролировали: и отдых, включая дневной, питание, прогулки, приём ещё некоторых лекарств, витаминов, иммуноукрепляющих средств; каждую неделю контролировали состояние крови. И хотя он от этого подустал, но подчинялся беспрекословно. Вот и сейчас, говоря об ужине с Дмитрием и Александром, он рассчитывал там, в уютном уголке, поговорить с Ильёй Михайловичем на первых порах пока о книге. Уже открывая к себе дверь, граф попросил Дмитрия Евгеньевича зайти к нему в кабинет в восемь часов, если у того это время будет свободным; в ответ прозвучало безусловное: «Si, natürlich».

Маленький заговор

В то время как мужчины прощались до вечера с графом, Илья Михайлович, что называется, блаженствовал в своем кабинете. Он читал редкую и интереснейшую книгу, которую ему принесли из библиотеки его светлости. До самой библиотеки, о которой ходили легенды, гилиловцы и их руководитель ещё не добрались, хотя она была всего лишь на втором этаже замка. Просто людям было некогда. Одна забота сменялась другой; всё нужно было выполнить в срок. Вот и сейчас Гилилов с нетерпением ждал Нортон, ушедшего на прогулку с графом. В дверь не постучали, её распахнули резко и с шумом. В кабинет быстро и решительно вошёл Нортон, за ним ещё один человек. Гилилов его узнал и почувствовал, что произошло что-то очень важное. И оно действительно произошло. Из точного, последовательного рассказа Александра Генриховича он понял основное: граф признался, что он – отец шекспировских произведений и что за ужином потребует книгу Гилилова о себе.

Ситуация складывалась непредвиденная. Эту книгу, уже переведённую на английский язык, Гилилов взял с собою, а в беседе с графом Нортон, по существу, о ней упомянул. «Отказать я ему не могу, но и дать книгу нельзя, – сказал Илья Михайлович, – он её прочтёт, и это чтение станет для него смертельным. Вот в чём дело. Мы об этом не подумали. А как теперь быть? В ней не только мои доказательства, что он и есть подлинный Шекспир; там же, как вы знаете, подробным образом, в том числе в разных главах, описана его ужасная смерть и почти невероятные похороны; то же самое он прочтёт и о своей жене, да ещё об отрубленной голове Эссекса! Мы поставлены в безвыходное положение по формуле „дать нельзя отказать“, что равносильно „казнить нельзя помиловать“. Что же делать?» Нортон предложил скрыть английский вариант и отдать русский, он у него есть. «Ах! Саша! – воскликнул Илья Михайлович. – Да его Пембруки поднимут все посольства, отправят гонцов куда надо, найдут специалистов и переведут книгу до нашего отъезда! Мы просто вели себя очень и очень неосторожно».

Было видно, что Илье Михайловичу становится плохо. Приглашенный терапевт Ольга Васильевна поставила гипертонический криз, сделала уколы и уложила больного в постель. Илья Михайлович просил друзей остаться в его гостиной хотя бы на час и до обеда найти более или менее подходящее решение так неожиданно возникшего вопроса. Ольга Васильевна вышла, а собравшиеся в спальне трое мужчин заговорщическими голосами постановили: книгу не показывать, не отдавать, объяснив, что русский вариант не сочли нужным брать, а на английский её только стали переводить. Это звучало не совсем убедительно, но всё же хоть какое-то объяснение было найдено.

– Конечно, – сказал Илья Михайлович, – статьи, которые я напечатал в Америке и в разных журналах на английском языке, я просмотрю и какие-то ему дам, ну этого мало, нужна книга.

– А книгу, поднапрягшись, можно сделать на основе вашей дискуссионной брошюры, – сказал Дмитрий Евгеньевич, – она у меня есть на русском языке, за два дня мы все вместе, организовав несколько групп, например, четыре, сможем её перевести на английский язык, вставив несколько глав из вашей книги, имеющейся в электронном виде и тоже на английском языке. Это вы, Илья Михайлович, решите, какие главы отобрать; обязательно следует в неё включить иллюстрации, а их у нас очень много, да ещё в цветном исполнении. Если всё это сформатировать и сделать хорошее внешнее оформление, то получится замечательная и довольно объёмная книга, графу она непременно понравится.

Этот вариант был принят безоговорочно.

– А как технические средства? Позволят это выполнить? – спросил Гилилов.

– Безусловно, – сказал Дмитрий Евгеньевич, – у нас всё есть.

Сразу же приступили к работе, объявив её чрезвычайно секретной; организовали четыре группы по два человека, распределили русский текст и уже хотели расходиться по кабинетам для выполнения задания, но Гилилов сказал: «Всем пообедать, работать до ужина, то есть до десяти часов вечера; за ужином вести себя как обычно, ничего не выдавая поведением; а сам я не знаю, буду ли там? Скорее, нет, так как у меня пятидневный „карантин“, как сказала Ольга Васильевна». Так, в череде событий этого дня в замке Бельвуар состоялся небольшой заговор против его хозяина.

Заботы и мысли графа

Пока заговорщики принимали окончательное решение о книге, его светлость, отобедав в кабинете (ему так захотелось), отдыхал на роскошном мягком диване. Обдумав всё произошедшее, он решил не спешить, не бросаться в крайности, дожидаться следующего дня, выздоровления Скревена, потом обсудить с ним мероприятия, связанные с приездом высоких гостей, а сегодня за ужином попросить книгу у Гилилова. Его светлость справился у секретаря о здоровье управляющего и, спустя час, сел за письменный стол. Его пьеса называлась «Буря». Он задумал её давно; в голове сложился сюжет, действующие лица, отдельные фрагменты, монологи. Тогда он полагал, что она будет прощальной, реквиемной. Тем более, что в тот страшный кризисный для его состояния период уже была создана ещё одна часть подобного, как бы первый вариант «Жертвы любви».

Теперь, когда ситуация в жизни графа в корне изменилась, а Игорь Витальевич давно обещал в конце курса основного лечения ответить ему на самый трепещущий вопрос о возможности иметь детей, Рэтленд решил изменить задуманный вариант «Бури», но оставить пьесу всё-таки как прощальную с литературным творчеством. Пусть знают, что Шекспир прекращает писать и «ломает свой волшебный жезл». «Я не смогу, как и моя жена Лизи, смириться с этим миром зла и боли. Исправлять его мы сможем только тайно, иначе его адские силы проглотят и уничтожат нас физически, как это было с Эссексом, его друзьями. И если через четыреста лет умные люди нашли подлинного Шекспира, то наш якобы уход с жизненной и творческой арены мы упрячем так, что этого не раскроет никто и никогда. Мы не оставим никаких зацепок, ариадновых нитей, ничего, что потревожило бы наш покой даже посмертно».

Эти мысли молнией пронзили сердце Рэтленда. Прошлое хлынуло в него потоком. Он вспомнил, как жаждал покоя: «Перед глазами ночь! Покоя жажду» (Шекспир. «Юлий Цезарь»). «Забиться и уснуть» (Шекспир. «Гамлет»). «О мои любимые герои – Брут, Гамлет! Я вам вверял себя, свои сомнения, метания, невыразимую боль души, предчувствия, страхи, устремления и отчаянную храбрость. Вы, лучшие мои друзья, вы – моя душа и моё тело, живёте во мне и день, и ночь, выражая всё моё существо до последнего атома! Вы жжёте меня своей судьбой, делами, рождаете чудовищные угрызения совести и бессилие. Но теперь „В такую бездну страх я зашвырнул, что не боюсь гадюк, сплетённых вместе“ (Шекспир. Сонет 112). Однако я должен успокаиваться, ведь на мне ответственность за моих сестёр, братьев, за Лизи, верящую в меня душу ангела. Нам уже не нужна игра, мы уйдём от неё, не будем прятаться за масками, станем сами собой. Теперь домом для нас будет тихая, спокойная, не обремененная страстями любовь; любовь в творчестве, в наших детях, если боги их нам даруют. Мы укроемся в своих сонетах и песнях, в них совьём себе гнёзда для наших сердец, а мир будет где-то рядом. Наши имена ни под какими масками больше не появятся. Оставшись без нас, мир будет продолжать запущенную нами игру в Шекспира. Да, да... Он её непременно продолжит. И если Гилилов привезет, минуя вековые границы, все виды отчётов о том, что Рэтленд – это Шекспир, ему, кроме его приверженцев, не поверят, а в лучшем случае будут сомневаться и продолжат „играть“. Даже если я явлюсь в этот „играющий“ мир собственной персоной, покажу свои рукописи и заявлю всем, что перед ними подлинный Шекспир, разве они поверят? Возможно, но немногие, очень немногие. Ведь от Христа только за одну ночь Петр отрекся трижды!

А сейчас, когда христианская религия победила, в сердцах думающих людей царят неверие, сомнения. Вне этих чувств человек не живёт. Вот и я хотел „уснуть“; „уснуть“ сладостным сном смерти, но страх, что там, „откуда ни один не возвращался“, возможно, хуже и ужаснее, чем здесь; этот страх и сомнения оставили моё брэнное тело жить и по инерции продолжать начатую в юные годы игру в Шекспира. Сколько в этом было таинственной романтики и счастья! Они били во мне „кастальским“ ключом, и Аполлон вёл меня за собой! Может быть, бла-

годаря этому я выжил, а не погиб в каменном мешке Тауэра и в ссылке. И я жив по сей день, хотя обострившаяся в заключении болезнь меня гнула до самой земли, превращая в „догорающую свечу“. Друзья и Лизи меня спасли, вытащили из могильной тьмы, заставили жить и бороться с болезнью, депрессией, а эти люди, которых привело сюда могущество Ордена, уже почти вылечили меня. Значит, мир не так плох? В нем нужно жить и продолжать свою борьбу и творчество? Но нет, нет! Я должен остановиться. Врачи не разрешают мне так думать, не разрешают писать... Однако „Бурю“ я закончу, а задуманное с Лизи мы осуществим», – так думал, может быть, и несколько бурно, непоследовательно граф Рэтленд, склоняясь над листом бумаги, где уже давно и чётко стояло слово «Буря».

Граф работал почти три часа. Время шло к вечеру; ему доложили о Скревене. Тот вошел с очередной почтой, которая только что прибыла. Управляющий был здоров, нога его поправилась, и он не хромал. Граф был этому безмерно рад; он вскрыл конверт и, прочтя содержимое, объявил управляющему, что король отправляется в длительную поездку по стране, родственники графа (Пембруки) его сопровождают; визит в Бельвуар, при благополучии дел, состоится теперь в середине лета. Эта новость была благоприятна для всех по понятным причинам, но чувств никто не высказывал, и жизнь в замке шла своей, уже привычной и устоявшейся чередой событий; заботы его не покидали. И разве они могут покинуть массу живущих, работающих, думающих людей с их чувствами, желаниями, потребностями, разговорами и даже неожиданными встречами.

Неожиданные встречи

Скревен доложил графу о прибытии в замок актёров театра «Глобус». Их встреча с хозяином Бельвуара и драматургом состоялась в те самые минуты, когда Дмитрия Евгеньевича должен был принять граф. Поэтому, войдя в кабинет с разрешения его хозяина и сев по приглашению у письменного стола, гость невольно обратил внимание на стоящих и разговаривающих с графом людей. Он узнал их сразу. Ведь портреты этих актёров были растиражированы везде: в книгах, журналах, в интернете. Сомнений не могло быть: перед собою, всего в двух метрах, он увидел Уильяма Шакспера и Ричарда Бербеджа, оба из театра «Глобус» и занимают там солидное положение. Сразу же вслед за этим Дмитрий Евгеньевич увидел на столе исписанные драматургическим текстом листы бумаги, один из них лежал отдельно на краю стола. На нём было выведено слово «Буря». «Бог мой! – подумал он, – Рэтленд пишет свою прощальную пьесу, и она ещё не закончена, а я много раз читал её всю! В книге Гилилова она получила особое освещение: очень трогательное. Самое интересное, что „Буря“ возглавляет, то есть стоит первой в Великом фолио Шекспира, как будто он начинает своё творчество. В этом есть что-то необычное!»

Дмитрий Евгеньевич ещё раз обратил внимание на актёров. Их разговор с графом подходил к концу. Явно, что между Бельвуаром и «Глобусом» установились тесные отношения, дорогу актёры сюда знают. А что они здесь делают? Да, конечно, Гилилов прав, здесь они получают пьесы Рэтленда и деньги; Шакспер точно их получает за «импрессу моего лорда», то есть выдавая себя за автора пьес. Ну какая интересная игра! Гилилов её раскрыл и описал в своей книге. Потом Дмитрий Евгеньевич услышал указания графа Скревену: актёров устроить на ночлег, выплатить полагающуюся по устному договору денежную сумму, а пьеса им будет передана в конце марта. Граф проводил Шакспера и Бербеджа через весь свой загнутый кабинет, поблагодарил и распрощался. Конечно, он уже знал, что об этих актёрах исписаны тонны бумаги, что один из них прочно числится в учебниках подлинным Shake-Speare. Игра, начатая здесь, продолжается уже века и несть ей конца.

Разговор графа с Дмитрием Евгеньевичем, как и предполагал последний, зашёл о книге Гилилова. Начальник лаборатории, не вдаваясь в яркие описания и рассказы, объяснил графу, что книга на английском языке у Гилилова есть, что оторваться от неё невозможно, а читать её нужно снова и снова; свой экземпляр он не взял в экспедицию, так как багаж сильно ограничивали. Граф не хотел быстро отпускать учёного и задал ему массу вопросов. После визита к его светлости Дмитрий Евгеньевич зашел к Гилилову и передал ему виденное и слышанное у графа, сказал о книге. Илья Михайлович был всем весьма доволен, спросил о подготовке секретного проекта и добавил: «Хорошая, добротная научная теория подтверждается эмпирическими методами. Именно сегодня теория и практика стали родными сестрами».

Узнав, что Илья Михайлович на «карантине», и боясь этого слова, сыгравшего роковую роль в судьбе Ромео и Джульетты, его светлость не вышел к ужину и, вдохновлённый перспективой в своей жизни, усердно трудился над «Бурей». В то же время рабочие группы по созданию для него книги трудились не покладая рук. Далеко за полночь некоторые из них вышли на галерею вдохнуть свежего воздуха, немного отдохнуть и отвлечься от довольно трудного и сложного перевода брошюры Гилилова. Не мог уснуть и Игорь Витальевич; он присоединился к отдыхающим, которые уже заняли в холле самый укромный уголок и попили кофе. В паузе между разговором трёх мужчин вдруг отдалённо раздался скрип, а затем и слабый стук двери с правой стороны замка. Гилиловцы притихли, их поглощал полумрак, хотя середина холла освещалась хорошо. Раздались лёгкие женские шаги, их звук усиливался, зашуршало платье, и в холл вошла дама. Она проследовала к потайной двери, открыла её своим ключом и исчезла за нею. Мужчины молчали, ожидая развязки ночного эпизода. Было интересно, так как эту даму

они видели впервые. Прошло около часа; кто-то сказал, что она, видимо, осталась у графа, но дверь открылась; женщина проследовала прежним путем, предварительно закрыв секретную створку. В середине холла лицо её было хорошо освещено, и мужчины её узнали. Это была жена графа Елизавета. Значит, она здесь, муж не покинут, но любит всякие таинства, это у него в крови. Даже жену скрывает, а уж пьесы – это как само собой разумеющийся факт!

– Да, – тихо сказал Игорь Витальевич, – статус этой леди высок, она ведь крестница усопшей королевы и на крестинах имя своё получила непосредственно из уст самой монархини. Скажу по большому секрету вам, Александр и Дмитрий, что она здесь давно, граф просил обследовать состояние её здоровья. Мои женщины – врачи это сделали; видимо, она ходила сказать о результатах мужу.

– А каковы они? – хором спросили слушающие.

– Разглашать тайну нельзя, но такую и только вам могу. Результаты нормальные, она может иметь детей. У графа тоже наметился в этом плане положительный тренд. Эти встречи складывали мозаику жизни замка, его тайн в общую картину. Но для членов экспедиции, и особенно для Ильи Михайловича, важна, очень важна была ещё одна встреча – встреча с легендарной библиотекой графа. Скоро она должна была произойти, но прежде необходимо было, максимально используя «карантин», сотворить на английском языке книгу для Рэтленда.

Книга

«Карантин» пошел всем на пользу. Рэтленд вплотную занялся «Бурей», а лаборатория инженеров, возглавляемая Дмитрием Евгеньевичем, – выпуском книги. Работы здесь было много, особенно для переводчиков, наборщиков текста на английском языке, но несравненно много пришлось трудиться самому Илье Михайловичу: извлекать из своей, на английском языке, книги нужные главы, частично адаптировать с текстами дискуссионной брошюры, делать необходимые соединительные и поясняющие вставки, исключать всюду негативные для Рэтленда события. Словом, как говорится, голова шла кругом. При всём объёме и сложности работы она была выполнена в течение шести суток; спали по очереди по два-три часа, по существу, это был конвейер.

Наконец, всё требуемое было сделано, и книга утром седьмого дня лежала на столе Гилилова. Сам он в это время был у врачей, где ему «карантин» сняли, но назначили курс лечения в утренние часы после завтрака и обязательные моционы дважды в день. Приняв это как неизбежный приговор Ольги Васильевны и дав ей обещание всё выполнять в точности, Илья Михайлович, к своей великой и неопикуемой радости, нашел новую книгу в своём кабинете на столе. Он пригласил Нортон. Вместе её осмотрели; она была выполнена тщательно, на лучшей бумаге, лучшим шрифтом, насыщена цветными иллюстрациями; её облик завершала очень плотная гляцевая обложка со спокойным голубым падуанским небом Италии, где под дубом на фоне уличных галерей сидел молодой Рэтленд с толедским мечом в руках. Это была цветная иллюстрация с очень небольшой картины, которую в своё время Гилилов осмотрел в Лондоне. Она являлась собственностью королевы Англии Елизаветы II. Тогда он сделал редкое открытие: изображенный на картине, до этого неизвестный молодой человек, был граф Рэтленд; в разное время по этому поводу строились разные предположения, но имени графа никто из исследователей никогда не произносил. Такие все были умные! А ведь художник Исаак Оливер и Рэтленд, как установил Гилилов, в одно и то же время пребывали в Падуе!

Принесли ещё одну книгу, её успели сделать в двух экземплярах. Что же творит современная техника, просто уму непостижимо! Илья Михайлович быстро просматривал текст, а Нортон, найдя на внутренней стороне обложки свою фотографию Большого каньона в Колорадо, улыбался, как всегда, своей мягкой улыбкой. Гилилов попросил Нортон навестить графа, сообщить ему, что «карантин» снят, что он здоров и будет сегодня на ужине, где хотел бы встретиться с ним и, а это главное, просить его светлость о разрешении поработать в библиотеке. Нортон, вернувшись, объяснил, что его светлость с большой компанией, включая весь медицинский персонал, совершает утренний моцион в парке. Гилилов, просматривая книгу, дошел до конца и вдруг увидел стихотворение, естественно, на английском языке, оно завершало книгу. Вчитавшись в английский текст, он понял, что это стихотворение Набокова, переведенное на язык Шекспира и именно о нём. Перевод был новый и просто замечательный. Он венчал выполненную книгу также великолепно, как и ту, что лежала в его столе дома на русском языке и называлась «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса».

Новая книга, как они договорились, носила такое же название. На последней стороне обложки был портрет Гилилова и несколько цитат деятелей культуры, рекомендующих автора на Нобелевскую премию; стоял год издания – 2000; выходные данные, издатели; в книге было первое, но теперь уже откорректированное предисловие, взятое из базового экземпляра; объём новой книги составил 357 страниц. Словом, её делали умные головы! Может быть, такие же умные, как и те, что сотворили «Жертву любви», но именно эта часть гилиловского русского и английского вариантов не вошла в новую книгу; он об этом не жалел, иначе опять бы пришлось касаться кончины Рэтленда и его жены, их таинственных похорон.

Нортон пригласил Гилилова на прогулку в парк и как бы тем самым объявить о снятии «карантина», чего ждал с нетерпением граф. Они присоединились к группе врачей в то время, как его светлость метался от молодых людей, играющих на лужайке в футбол, к медсёстрам с ракетками в руках. У них была своя лужайка. Стоял полный февраль. Гольфстрим творил свои чудеса в этой части земли. Уже везде бурно цвели нарциссы, фиалки, белоснежные подснежники с опущенными головками соцветий скромничали среди буйно выпирающих из земли огромных разноцветных крокусов. «Что же будет здесь в марте, апреле?» – думали гуляющие, хотя дома у них всё это было, но начиналось позднее и в прохладной погоде. В Бельвуаре же светило солнце, дул лёгкий приятный ветерок, всюду щебетали птицы, проснулись первые насекомые, а ещё не отцветшие кусты форзиции атаковали шмели, первые пчёлы; от цветка к цветку порхали оранжево-коричневые и темно-синие, с золотым орнаментом на крыльях, бабочки. При виде всего этого хотелось вечности. Наружу в человеке рвались чувства и силы.

Графу часто попадали пассы, он легко отбивал мяч в сторону ворот, а когда подбегал к девушкам, то там стояли и визг, и смех, потому что его светлость прекрасно играл в бадминтон. Медсёстры наперебой стремились отбить волан в сторону графа. Он улыбался, смеялся, что-то кричал барышням. А его жена в это время не покладая рук трудилась в библиотеке вместе со своей родной тёткой графиней Пембрук. Обе были поэтессы, обе владели несколькими языками, включая древнеарамейский, и обе создавали самый таинственный из всех трудов о Шекспире. Они спешили, им нужен был быстрый доступ к необходимым книгам, вот почему они так долго здесь работали, заняв знаменитую библиотеку, а пока Гилилов не настаивал на её осмотре, граф предпочитал не трогать женщин, которые уже привыкли к уюту, теплу и книжным сокровищам Просперо. Узнав о снятии «карантина» и выздоровлении Гилилова, граф был этому безмерно рад и попросил его сегодня быть за ужином, чтобы возобновить замечательные вечера, при этом он намекнул, что, возможно, познакомит всех со своими гостями.

Прогулка закончилась. Граф, приняв ванну, уже сидел в своём кабинете за «Бурей»; его роскошный халат золотом мерцал в лучах набирающего силу солнца. Ему доложили, что молодёжь, особенно девушки, хотят на ужин пирожных, мороженого и разных вкусностей. Эти просьбы для его светлости были продолжением бальзамного лечения, он их просто обожал и всячески поощрял.

Сразу же шеф-повару поступили соответствующие указания. В это время инженеры и Дмитрий Евгеньевич, также приняв водные процедуры и переодевшись, ожидали указаний своего руководителя. Они последовали быстро: собраться всем в гостиной Гилилова. Состоялся своеобразный акт «приёмки» книги. Гилилов поинтересовался, кто сделал такой великолепный перевод стихотворения Набокова о Шекспире с русского языка на английский, ведь он не включил его в свой английский вариант книги. Ему сказали, что это сделала Дарина; что она особая поэтесса, с таким складом рифмования, который встречается редко и что ей особенно удаются переводы с русского языка на другие; напомнили также, что это дочь Дмитрия Евгеньевича.

К слову, дверь открылась, и он вошёл в гостиную Гилилова. Это был молодой человек тридцати восьми лет с красивым овалом лица, белозубой улыбкой, умными серо-голубыми глазами, высокий, спортивного типа, он присоединился ко всем. Гилилов его прекрасно знал, обнял и трижды сказал спасибо за книгу, за исключительный перевод стихотворения «Шекспир», за то, что придумал этот вариант выхода из ситуации; затем он с благодарностью обратился ко всем, пригласил садиться на диваны, в кресла и стал доставать из буфета хрустальные рюмки, различную посуду. Все поняли, в чём дело, и бросились ему помогать; раздалась шутки, всплески смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.